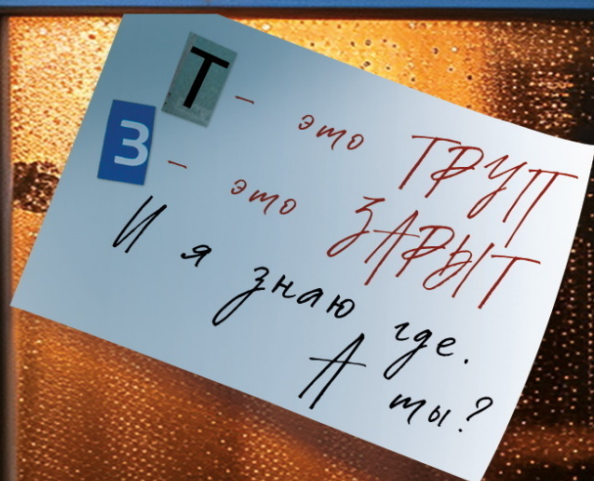

INSPIRIA

ЗАПИСКИ

УБИЙЦЫ

Враг моего врага – мой друг...

ЛАЙЗА РЕНИ ДЖОНС

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Лайза Рени Джонс

Записки убийцы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Джонс Л.

Записки убийцы / Л. Джонс — «Эксмо», 2020 — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-211026-9

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES. Ее называют Девушкой-проблемой. А еще – Девушкой-убийством. Где преступления – там она. Кто-то боится ее, кто-то обожает; третьего не дано. Она – Лайла Лав, спецгент ФБР и высококлассный профайлер. Неполиткорректная ищейка, она не выбирает слова и действует не раздумывая. Но однажды ступив на след преступника, уже не сойдет с него... «КРОВАВЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ» Работа Лайлы Лав – думать и чувствовать как убийца. И в этом она сильна. Когда начинается серия жестоких убийств – все жертвы раздеты донага, у каждой пуля между глаз, – чутье Лайлы подсказывает: это дело рук не серийного маньяка. Работает наемник. Но на одном из трупов Лайла замечает необычную татуировку. Спецгент уже видела такую. Лайле приходится вернуться из Лос-Анджелеса в родной городок на восточном побережье, где когда-то она была важной фигурой. «ТЕМНАЯ КОРОЛЕВА» Ее отец – мэр, брат – начальник полиции, а бывший любовник – Кейн Мендес, сын криминального авторитета. У нее с Кейном похоронена в прошлом общая мрачная тайна. И хотя Кейн с точки зрения закона ей враг, он всецело на ее стороне. Поэтому здесь Лайла практически всесильна. «“Т” – ЭТО ТРУП» Но число жертв растет, а Лайле начинают поступать записки с угрозами. К примеру, такая: «“Т” – это ТРУП. “З” – это ЗАРЫТ. И я знаю где. А ты?» Он знает о ней всё. Однако Лайла не испугана. Она разозлена. А когда она злится, ей лучше работается – и меньше шансов остается у преступника...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-211026-9

© Джонс Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лайза Рени Джонс

Записки убийцы

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Т - это ТРУТ

З - это ЗАРЫТ

И я знаю где.
А мы?

Lisa Renee Jones
Murder Notes. Murder Girl
© 2020 by Lisa Renee Jones

Перевод с английского А. Лисочкина

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть I

Девушка-проблема

Глава 1

В океане – кровь.

Поначалу я этого не замечаю, но вообще-то и большинство людей этого не замечает. Это называется отрицанием. Мы отказываемся видеть то, с чем нам в конечном итоге придется иметь дело, а возможно, даже и признать. Что касается тех, кто ни в чем не повинен, то им неведома вся жестокость действий, необходимых для того, чтобы отнять жизнь, поэтому они просто не в силах уложить в голове невообразимое. Для виновных же все сводится к отрицанию собственной способности совершить нечто подобное, и такое отрицание может стать карающим мечом, который медленно вскрывает их, выворачивая наизнанку. Хотя есть и другой класс людей, которые больше животные, чем люди. Настолько больных, настолько безумных, что они ощущают мимолетную радость от смерти, а затем ищут еще большей радости, проделывая это еще раз. А потом еще. Вы не найдете вины в их глазах. Вы не найдете там раскаяния. Бывают моменты, когда я и сама ощущаю себя одним из этих животных, но потом чувство вины накатывает вновь.

Хотя знаете что? Раскаяния все-таки нет. Сама не знаю, что это говорит обо мне.

И вот я иду по пляжу, не замечая того, что таится в воде, и это похоже на многие другие прогулки по пляжу Ист-Хэмптона. Прохладный песок между пальцами ног... Вкус соли на губах... Порыв ветра поднимает мои длинные каштановые волосы с шеи. Я вижу, как это происходит, словно нахожусь где-то над этой сценой и смотрю на себя сверху вниз. Как будто это я мертва, а тот, другой человек на пляже – жив. Иногда я почти слышу, как ветер шепчет мое имя: «Лайла... Лайла...» Словно зовет меня туда, куда, как он знает, должен лежать мой путь, но я по-прежнему сопротивляюсь. Этот ласковый, успокаивающий шепот – соблазнительное обещание того, что если принять все это, смириться с ним, то это принесет облегчение, даже прощение.

Ветер лжёт. Он всегда лжёт.

Но тогда именно поэтому он и хочет меня. Из-за моей лжи. Потому что знает, как она преследует меня. Он знает мои секреты, неведомые остальным. Только вот это тоже ложь, и, присмотревшись, я вижу вдалеке одного-единственного человека, который тоже знает эти секреты и теперь быстро приближается ко мне.

Он идет ко мне, грациозный и привлекательный, на нем до смешного дорогой костюм, мокрый песок под его черными кожаными туфлями невероятно гладкий, куда бы он ни ступил. Но ведь это человек, который может легко убедить людей, будто запросто ходит по воде, так почему бы и не по песку? Человек, достижения которого уступают разве что его самомнению, в то время как его харизма – лишь одно его оружие в числе множества прочих. Он может поцеловать женщину и заставить ее желать большего – и, конечно же, сделал это и со мной, – но я напоминаю себе, что это не делает меня наивной, поскольку его власть над людьми такова, что ему достаточно произнести одно только слово, чтобы заставить и взрослых сильных мужчин последовать за ним. Он – воплощение совершенства, красивая картинка в рамке, и лишь немногие видят, что накрывающее ее стекло разбито вдребезги. Но я-то вижу. Я знаю о нем то, чего не знает никто другой.

Как и он обо мне. В этом-то вся проблема.

Отвергая его, я отворачиваюсь от его приближающейся фигуры лицом к океану – новый рассвет озаряет небо, и странное красное пятно пачкает глубокую синеву воды. Оно начинает расти и все растет и растет, пока кровь кого-то ушедшего и почти наверняка забытого не прольется сквозь него, словно нефть из подождженной скважины. Кровь теперь повсюду. Нет ничего, кроме нее и вины, которую я пытаюсь отрицать.

И вдруг он уже позади меня – его рука у меня на плече, и я вздрагиваю от этого прикосновения. Это он сделал это. Это он пролил эту кровь.

Только вот... Нет. Вроде это не так. По-моему... это все-таки моих рук дело.

Я просыпаюсь от одного из своих ночных кошмаров – этих шоу уродов, которые, как я думала, наконец-то закончились. В комнате темно, с прикроватной тумбочки трезвонит мой сотовый, а все мое тело ноет от потребности во сне.

– Рич, – бормочу я, пытаюсь отпихнуть большое твердое тело, которое умудрилось полнотью придавить и облапить меня. – Отвали! У меня звонит телефон.

Тот не двигается, и это проблема, которая выходит за рамки данного момента и более непосредственно касается нас, работающих в одном местном офисе Бюро и вместе прыгающих в постель.

– Рич, черт возьми!

Он издает стон и перекачивается в одну сторону, в то время как я сдвигаюсь в другую и хватаю свой мобильник, глянув на то, что высветилось на экране. Звонят из местного отдела полиции.

– Специальный агент Лав, – отвечаю я.

– Мы обнаружили тело у пирса Санта-Моники, и нам нужна ваша помощь, – говорит мужчина на линии. – Ранним утром какой-то бегун обнаружил труп и сообщил об этом в полицию.

Я смотрю на часы – 5:00 утра – и удивляюсь, какой идиот бежит трусцой в такую рань, в темноте, по пляжу. Но это все равно не моя работа.

– Это территория местных властей. Вы ошиблись адресом.

– Вы ведь специальный агент Лайла Лав, верно?

– Вы это уже знаете, – раздраженно говорю я, и поскольку все это явно так просто не пройдет, сажусь, готовясь бороться со своей потребностью опять забыться сном.

– Тогда просят лично вас. Распоряжение директора Мерфи.

Мой босс ждет меня там? Если он готов присоединиться ко мне, то это явно нечто большее, чем просьба поделиться своими навыками профилирования с местными, и моя сонливость переходит в тревогу.

– Сейчас буду.

Заканчиваю разговор и сбрасываю одеяло, скривившись, когда понимаю, что на мне рубашка Рича, которая явно не посылает ему того довольно прозрачного намека, как следовало бы после нашего вчерашнего «разговора», от которого я, по сути, уклонилась. «Но пахнет хорошо, как и всегда», – думаю я, с трудом поднимаясь и ковыляя умываться.

Заходя в крошечную ванную, задеваю ногой за треснувшую плитку и морщусь, а затем пристраиваюсь у столь же крошечной древней раковины и беру зубную щетку.

– Когда мы закончим разговор, который начали вчера вечером?

При звуке голоса Рича я начинаю активно чистить зубы, убедившись, что сейчас настолько же не способна говорить о переезде к нему, как и тогда, когда вечером мы занимались сексом.

– Лайла, – нетерпеливо произносит он, и моя передышка длится всего десять секунд.

Бросаю на него взгляд сквозь длинную завесу своих растрепанных темно-каштановых волос и вижу, что он уже стоит в дверях, прислонившись к косяку. Голый. Этот мужчина сло-

жен как бог, как какой-нибудь светловолосый мускулистый бог, но все же... «До чего же это некстати!»

– Почему бы тебе не одеться? – спрашиваю я, хотя и не уверена, что он сможет понять меня, когда рот у меня полон пены.

– Я серьезно, Лайла. Мы встречаемся уже шесть месяцев. Нам нужно это обсудить.

– Ты голый, – говорю я, вынимая зубную щетку изо рта, поскольку в прошлый раз он меня явно не услышал. – Я ничего не собираюсь обсуждать в голом виде.

Возвращаюсь к чистке зубов.

– Ты не голая. Это я голый.

– Какой ты смешной... – говорю я, после чего включаю воду и прополаскиваю рот, а поскольку он все еще стоит там, когда я заканчиваю, то поворачиваюсь к нему лицом. – Я серьезно, Рич. Ты голый. А меня ждет мертвое тело. Эти два понятия не сочетаются. Сейчас не время.

– Ты один из лучших специалистов по профилированию в стране, – заявляет он. – Тебя всегда ждет труп. Вот почему нам никогда не удастся поговорить.

Отворачиваюсь и опираюсь руками о раковину, проявляя к белой керамике больше интереса, чем она того заслуживает, – хотя его обнаженное тело, пожалуй, заслуживает и большего, чем я могу позволить себе дать ему прямо сейчас.

– У каждого есть свои фетиши.

– Тебе ведь не нравятся мертвые тела. Почему ты несешь такую фигню?

«Потому что я хочу тебя отпугнуть», – думаю я, зная, что вообще-то и вправду могу напугать его, если буду настаивать, что у меня и в самом деле такой фетиш – трупы. Хотя, конечно, с логикой у Рича всё в порядке и он понял бы, что это просто помогает мне ловить убийц. Так что просто говорю, что иду одеваться, и в надежде, что он поймет намек и делает то же самое, поворачиваюсь, чтобы пройти в гардеробную. К счастью, за его разочарованным возгласом следует некий сдвиг воздуха, который говорит мне, что Рич наконец-то решил что-нибудь надеть. Жалея, что уже нет времени принять душ, сдергиваю с вешалок линялые джинсы и черную футболку с V-образным вырезом, одеваюсь, а затем прислоняюсь к стене, чтобы натянуть черные армейские ботинки.

Всего три минуты спустя я возвращаюсь в ванную и обнаруживаю Рича все в том же дверном проеме, и хотя он уже не голый, его черные джинсы с низкой посадкой не особо прикрывают его достоинства, которые в данный момент мне и вправду хочется прикрыть. Бросаю ему его рубашку, которую он ловит и натягивает прямо через голову. Воспользовавшись тем, что удалось ненадолго его отвлечь, возвращаюсь к раковине, чтобы умыться, расчесать волосы и поразмыслить о том, насколько бледной выглядит моя кожа без макияжа, который я уже просто не успеваю нанести. Я все-таки девушка. Мне нравится быть девушкой, несмотря на эту работу, и чертовски нравится, как это обстоятельство, в сочетании с моим «грязным ротиком» – как назвала бы это моя мама, если бы была жива, – напрочь сбивает людей с толку.

Готовая сразу по нескольким причинам поскорей убраться за дверь, подхожу к Ричу, но он не двигается с места, и его крупное тело оказывается на пути у моего миниатюрного.

– Итак, насчет этой квартиры, – говорит Рич. – Ты живешь в Калифорнии уже два года. Это место размером с коробку из-под печенья, и это натуральная помойка, Лайла. Пришло время что-то менять.

– Ты прав. Квартирка и вправду крошечная, и это подтверждается тем фактом, что в данный момент ты меня душишь. Мне нужно что-то попросторней, и если б к этому еще и прилагался унитаз, у которого не требуется всякий раз до посинения тереть ручку, чтобы заткнуть в нем воду, это было бы большим плюсом.

– Я рад, что ты согласна.

Он рад, что я согласна? Ладно... Все пошло не так, как планировалось. Рич не понимает, что я ему говорю. Я вижу это по его лицу, и мне нужно заткнуться, пока я не увязла еще глубже.

– Подвинься, Рич. Мне нужно идти.

Тем не менее он преграждает мне путь.

– У меня долгосрочная аренда и унитаза, который не нужно теревить, – продолжает он. – Конечно, это не твой бывший манерный Хэмптон, но это шаг вперед по сравнению с этой дырой. Переезжай ко мне. Отныне я хочу просыпаться и каждое утро смотреть в твои чудесные карие глаза.

Ну вот... За что боролась, на то и напоролась.

– Я разве не говорила, что меня ждет труп? И Мерфи?

Лоб у него мгновенно хмурится.

– Тебя там ждет Мерфи? – Рич подается назад. – Что, черт возьми, происходит?

– Понятия не имею, – отзываюсь я, подходя к стулу в углу спальни и вешая себе на грудь сумку на ремне, которую всегда беру с собой на место преступления.

– Если Мерфи на месте преступления, – говорит он, – то мы берем дело в свои руки.

– Скорее всего, – отвечаю я и, не собираясь продолжать разговор, оставляю все как есть и направляюсь к двери, чтобы побыстрее ускользнуть. Но, к моему разочарованию, Рич опять встает передо мной.

– Переезжай ко мне, – повторяет он, опуская руки мне на плечи. – Я без ума от тебя.

– Я не из тех девушек, которые любят постоянные отношения.

– А как ты называешь то, что у нас с тобой?

– Секс... Дружба... – Я сбиваю его с толку, и, думаю, саму себя тоже. Стоило бы опустить часть касательно дружбы, только вот Рич мне действительно нравится. И, вообще-то, довольно сильно. Разозлившись на себя, добавляю: – Да не знаю я!

– Ты только что описала идеальные отношения, Лайла. Это как раз то, чего все мы хотим. И секс, и дружба в одном флаконе.

Примечание для себя: дружба – это реально плохое слово для мужчин.

– Послушай, Рич... Я хочу сказать, ты просто как такой идеальный калифорнийский чувак, какими их себе обычно представляют – только доски для серфинга не хватает, – обалденный и милый, но...

– Какой-то там пляжный чувак, да еще и *милый*? Твою ж мать... – Он убирает руки с моих плеч и проводит одной из них по своим длинным выющим светлым волосам. – Так вот каким ты меня видишь?

Поднимаю руки:

– Нет. Боже... Нет, конечно. Прости. Видишь? Ни фиги я в таких делах не смыслю. – Укрепляю голос, чтобы убедиться, что он понимает, насколько серьезно я настроена. – Ты – всеамериканский крутой герой. Перед тобой мало кто устоит. Ты потрясающий, Рич. Просто охеренно потрясающий. Слишком хорош для меня. Проблема – во мне. У меня есть проблемы. Большие проблемы. Вот почему я не беру на себя никаких обязательств. – Убираю прядь волос с лица. – И не могу сейчас так поступить. Ты знаешь, что я не могу сейчас так поступить.

Челюсть у него напрягается, и он недовольно, неохотно кивает мне.

– Ладно, иди. Выясни, что там у Мерфи.

Я не спорю. Обхожу его и устремляюсь в гостиную, задержавшись в дверях только для того, чтобы сказать:

– Запри дверь, когда будешь уходить. Меня очень любят всякие больные ублюдки.

И направляюсь к входной двери.

– Тогда кто же я, Лайла?

– Исключение! – кричу я в ответ, и Рич и понятия не имеет, насколько правдиво звучит это утверждение.

* * *

Благодаря тому, что этот утренний бегун поднимает нас всех с постели ни свет ни заря, я добираюсь из своего района Лос-Фелис до Санта-Моники всего за тридцать минут, что в любое другое время суток было бы неслыханно. Припарковать мой серый «Форд Таурус» на стоянке рядом с пляжем также не составляет труда. Выхожу из машины, вешаю на шею значок ФБР, борюсь с порывом сентябрьского ветра в семьдесят с чем-то градусов¹ и направляюсь по тротуару к пирсу. Пробираясь сквозь все еще спящий вечный карнавал приморского променада, направляюсь напрямик к колесу обозрения, которое наверняка приведет меня к самому концу пирса. Оказывается, растущая толпа вокруг желтой ленты на близлежащем пляже ничуть не хуже справляется с этой задачей.

Подхожу к нескольким полицейским в форме и показываю им свой значок.

– Кто тут главный детектив? – спрашиваю у них.

– Оливер, – отвечает мне один из патрульных.

«Отлично», – думаю я, двигаясь дальше по тротуару. Этот человек ненавидит меня. Успеваю пройти еще футов десять, собираясь уже ступить на песок, как вдруг слышу:

– Специальный агент Лав!

При звуке голоса детектива Оливера морщусь и поворачиваюсь, чтобы увидеть этого сорокалетнего «Серого Лиса», как называют его дамы из полиции, который движется в мою сторону. И да: пожалуй, смотрится он неплохо. Если вам способен понравиться стереотипный, курящий, вечно одетый в мятый костюм честный коп с дурным характером.

– Детектив...

– Надеюсь, сегодня вы лучше выполните свою работу и по существу мне поможет, чем два дня назад?

Ну вот, начинается...

– Это было профессиональное убийство, детектив Оливер, – натянуто говорю я. – Нельзя так вот запросто указать на того, кто его совершил, просто щелкнув пальцами.

– Вы мне вообще ни на что не указали.

– Преступник – это не какой-то там тридцатилетний тип с двумя детьми и собакой, который живет в пригороде. Об этом миллион статей написано. Такие не соответствуют профилям.

– А мне похер все эти статьи, ученая вы наша... И если вы и ваши люди собираетесь ошиваться на моем месте преступления, то лучше вам все-таки соорудить мне хоть какой-нибудь профиль.

Он уже сходит с тротуара, чтобы ступить на песок.

Я раздраженно разворачиваюсь и двигаюсь следом, быстро догоняя его.

– Мои услуги предоставляются добровольно, из профессиональной любезности, а не для того, чтобы вторгаться в ваше личное пространство.

– Забавно, – сухо отзывается Оливер. – Что-то я не припомню, чтобы мне предоставили выбор сегодня утром, когда я отказался от ваших услуг.

Мы добираемся до гавани, где в нескольких футах от другой огороженной лентой зоны собрались различные официальные лица. Один из полицейских машет ему, а он, в свою очередь, машет на группу людей, собравшихся у причала.

– Идите. И на сей раз дайте мне какие-то ответы, – говорит Оливер, прежде чем показать мне спину.

Стиснув зубы, смотрю прямо перед собой и продолжаю идти, проталкиваясь сквозь толпу полицейских, пока не нахожу Джо, рыжеволосого судмедэксперта – на самом-то деле все его так

¹ 70 градусов по Фаренгейту – 21 °С. – Здесь и далее прим. пер.

вот попросту и называют, – склонившегося над убитым. Его очки в толстой оправе медленно съезжают на нос.

– Приветик, агент Лав.

– Привет, Джо, – говорю я, но в данный момент мое внимание приковано не к нему, а к мертвому обнаженному мужскому телу на песке. Морская вода омывает его босые ноги, и холодок пробегает у меня по спине, причем вовсе не потому, что я так уж брезглива. Именно в таком виде мы и обнаружили другую жертву всего две ночи назад, а одежду убитого тогда так и не нашли. Я и сейчас этого не ожидаю. Отсутствие одежды на теле или где-нибудь еще, где ее можно было бы отыскать, обычно расценивается большинством работающих на месте преступления как попытка скрыть улики. Но только не мной. Два дня назад интуиция подсказывала мне, что за этим кроется нечто большее, и сейчас это определенно так.

Я подхожу ближе, и Джо переходит к голове мертвеца.

– Пуля между глаз, – говорит он, поднимая на меня взгляд и указывая на чистое отверстие ровно между бровями. – Знакомая картина?

– Слишком уж знакомая, – бормочу я, доставая из сумки пластиковые перчатки, присаживаюсь на корточки на песке и осматриваю останки.

– Чисто вошла, – добавляет Джо. – Идеальная аккуратность, никакого беспорядка, никакой суеты.

– Одежда снята до или после убийства?

– До.

Я не спрашиваю его о причинах такого вывода – он подробно изложит их в своем отчете.

– А в деле двухдневной давности?

– Тоже до убийства, и хотя, конечно, надо еще дождаться анализа брызг крови и окончательного подтверждения, этот случай – повторение предыдущего один в один.

– Только тогда это была женщина, – уточняю я, высматривая какие-либо признаки борьбы, которые он мог не заметить, одновременно борясь со своими волосами, которые следовало бы стянуть на затылке на этом чертовом ветру.

– Но это ведь не исключает серийного убийцу, верно? – спрашивает он, вроде как слишком уж захваченный подобной перспективой.

– Серийные убийцы и профессионалы – это совершенно разные породы, – говорю я. – И мы на данный момент имеем дело всего с двумя жертвами, что не позволяет отнести эти убийства к серийным – по крайней мере, по определению.

– Наемный убийца? Вы думаете, это наемный убийца?

– Да, – просто отвечаю я.

– Да какой же профессиональный киллер снимает одежду со своей жертвы?

– Вот это... – рассеянно отзываюсь я; мой взгляд останавливается на татуировке на руке у мужчины, которая не прикрыта его телом и не замята песком, и в животе у меня закручивается узел дурного предчувствия. – Можно мне лучше рассмотреть эту наколку?

– Конечно, – говорит Джо. – Я тоже хотел на нее глянуть. Выглядит интересно.

Он отводит руку трупа в сторону, и легкость этого движения подтверждает правоту моих предположений: парень еще теплый.

– Я тут подумывал и сам сделать татуировку, – добавляет Джо.

– Время смерти? – спрашиваю я, чтобы вновь сосредоточиться на деле.

– Труп совсем свежий, – отвечает он. – По моим оценкам, часа три ночи – может, три тридцать... – И сразу меняет тему: – Может, Супермена? Девчонки ведутся на Супермена?

– Что? – недоуменно отзываюсь я, глядя на него.

– Я тут подумал, не сделать ли татушку с Суперменом.

– Если ты пытаешься смириться со своим статусом упорного фрика, то сойдет.

– Кто говорит, что я упорный фрик?

– Похоже, что все, кроме тебя. Смирись с этим. Тебе это идет.

Он хмурится.

– Серьезно, агент Лав... Не могли бы вы просто...

– Татуировка, Джо, – напоминаю я, чувствуя, как узел в животе закручивается все туже.

– Ну да. Татуировка. Его. Не моя.

Эксперт поворачивает руку трупа ровно настолько, чтобы показать мне наколку, и я уже больше ничего не слышу из того, что он говорит. Я вижу перед собой Деву Марию, у которой изо рта струится кровь, и внезапно оказываюсь на совсем другом пляже. Ресницы у меня опускаются, и я вновь переживаю тот самый момент, когда меня схватили сзади. Тогда я крунулась на месте и применила совершенно неэффективный защитный прием. Эта его полная неэффективность и то наказание, которое я получила за свою собственную слабость, и стали причиной того, что отныне я оттачиваю свои боевые навыки столь же усердно, как и свои способности к психологическому профилированию. Тогда я тяжело брякнулась на песок, придавленная тяжелым мужским телом и намертво скованная большими сильными руками. На одном из мускулистых предплечий была видна татуировка, которая двигалась и изгибалась вместе с плотью, когда этот человек удерживал меня на песке. Татуировка в виде Девы Марии, изо рта которой струится кровь.

Молитвы ей или кому-то еще ничем мне тогда не помогли.

– Специальный агент Лав...

Услышав свое имя, возвращаюсь в настоящее и обнаруживаю детектива Оливера, который стоит позади Джо и сердито смотрит на меня, а не на мертвое тело.

– Вы спите или все-таки готовы ответить на мои вопросы?

Со вздохом встаю и оборачиваюсь, чтобы обнаружить в добрых двадцати ярдах от себя Мерфи, директора лос-анджелесского отделения Бюро. Стягивая перчатки, начинаю уже двигаться в его сторону, но детектив Оливер догоняет меня.

– Погодите-ка, милочка...

Ну все: моментально разгорается гнев, и я резко оборачиваюсь к нему.

– Милочка? Ну что ж, тогда послушай, *дорогой*... Если ты не хочешь, чтобы я засунула тебе в рот носок, который у тебя в штанах, то отвали, детектив Оливер! Я все поняла. Это твоя территория, а я всего лишь двадцативосьмилетняя засранка, в то время как ты бывалый и опытный ветеран. Но я в правоохранительных органах чуть ли не с пеленок и пока что замечательно справлялась со своей работой!

Он выгибает бровь.

– У вас всё?

– Нет, – говорю я, – это у тебя всё! Мы пытаемся поймать одного и того же чертова монстра, так что отвали на хрен!

Оливер смотрит на меня долго и пристально – до такой степени, что я уже поворачиваюсь, чтобы уйти. Он мягко хватает меня за руку и разворачивает к себе.

– Не прикасайся ко мне! – твякаю я.

Детектив поднимает руки.

– Понял... – Глаза у него сужаются. – Не хотите поговорить о том, что вас там настолько пришибло?

– Ничего, кроме вас, – вру я. – Не понимаю, о чем вообще речь.

Он прячет руки под куртку и проводит ими по бедрам.

– Я раздражаю вас всякий раз, когда вы появляетесь на моем месте преступления...

– Раздражаете? Вот как вы это называете?

– Всякий раз, когда вы появляетесь на моем месте преступления, – повторяет он. – И вы так ни разу и не позволили мне вывести вас из равновесия. Так что же вас так там достало? Потому что явно не я.

– Это заказуха, – говорю я, уходя от темы обо мне. – И это всего лишь мнение и рабочая теория, а не факт, но я почти уверена, что он снимает с них одежду по требованию клиента.

– Ничто из этого не отвечает на мой вопрос. Что вас так потрясло?

Звук шагов заставляет нас обоих поднять глаза на подходящего к нам моего босса, и есть что-то такое в его аккуратно расчесанных густых седых волосах, а также в коричневом костюме и осанке, что излучает властность и контроль над ситуацией. Его контроль, а не детектива Оливера.

– Специальный агент Лав, детектив Оливер... – приветствует он нас, останавливаясь к нам в профиль и обводя взглядом наши воинственные физиономии. – У нас какая-то проблема?

– Нам с вами надо поговорить, директор Мерфи, – заявляет детектив Оливер.

– После того, как я поговорю со своей сотрудницей, которая вновь любезно встала с постели, чтобы помочь в одном из ваших дел.

– В деле, которое вы фактически взяли на себя, – напоминает ему детектив Оливер.

– Фактически? – отвечает мой босс, после чего произносит более твердо: – Да, взял. И мне нужно поговорить со своим агентом. Наедине.

Детектив Оливер кривится и уходит, а директор Мерфи смотрит на меня.

– Как все это понимать?

– Типичная война за территорию, когда дело переходит нам. Ничего такого, что я сама не смогла бы разрулить.

– Я сам этим займусь, – обещает он, а затем, к счастью, двигается дальше: – В Нью-Йорке есть дело, которое имеет достаточно сходства с этими двумя, поэтому не исключено, что мы имеем дело с серийным убийцей, который пересек границы штата. Так что теперь это наша епархия².

– Это не серийный убийца, – говорю я, повторяя то, что уже сказала детективу Оливеру. – Это работа профессионала.

– Или серийного убийцы, одержимого убийствами в стиле заказухи. Составьте профили жертв, а потом мы снова пообщаемся.

Колеблюсь, но не могу оставить все как есть.

– Вы сказали, Нью-Йорк?

– Верно. Ваш родной штат, который, помимо ваших навыков профилирования, делает вас наиболее подходящей кандидатурой для этого дела.

Утверждение спорное, но я не говорю ему об этом.

– Я уже видела такую же татуировку, как на руке у жертвы, – сообщаю вместо этого.

– Где? И при каких обстоятельствах?

– Не по роду профессии, и это было много лет назад. Вообще-то дома, в Хэмптоне.

– То есть на территории «Мендес энтерпрайзис», – утвердительно произносит он. – Семьи и империи, базирующихся в Хэмптоне. Все исключительно законно и при этом совершенно незаконно. Прямо как в каком-нибудь бандитском сериале. Я кое-что почитал о них, когда вы присоединились к нашей команде.

По моему телу пробегает дрожь беспокойства.

– Почему вы решили почитать о них, когда я присоединилась к команде?

– Предпочитаю знать, откуда взялись мои люди и что способно на них повлиять, прямо или опосредованно.

Не уверена, как воспринимать подобное замечание, но Мерфи не дает мне времени попытаться разобраться с этим, уже двигаясь дальше:

² Когда один и тот же преступник действует на территории различных штатов, совершенные им преступления приобретают федеральный статус и подпадают под юрисдикцию ФБР, а не местной полиции.

– Насколько я понимаю, место Мендеса-старшего занял его сын Кейн – после того, как его отца убили несколько лет назад. Вы его знаете?

– Если вы провели кое-какие исследования, как говорите, то наверняка знаете, что просто нельзя вырасти в Хэмптоне и не знать семью Мендес, – отвечаю я, сохраняя как можно большую уклончивость. – Да все их там знали... И да, я знала его.

– Говорят, что человек он продувной и предпочитает действовать тихой сапой – хотя, с другой стороны, таким же был и его отец.

– Я бы сказала, что это вполне подходящее определение, – соглашаюсь я, думая про себя, что Кейн, как и многое другое, – это то, о чем мне сейчас не хотелось бы особо распространяться.

– Насколько я понимаю, всегда безупречно чист, когда расследуется какое-то дело. Человек, который перекладывает всю грязную работу на других. Возможно, как и наемный убийца, с которым, по вашему мнению, мы имеем дело. Это, наряду с упомянутой вами татуировкой, которая связывает тело с Хэмптоном, выглядит как связь, требующая расследования.

– Я определенно думаю, что с Хэмптоном и вправду есть какая-то связь, и нам нужно это проверить.

– Так что отправляйтесь туда, – заключает он. – И проверьте.

Я бледнею.

– Что? Нет... При всем моем уважении, директор Мерфи, я уехала оттуда не без причины.

– И теперь вернетесь туда по еще более веской причине. А именно по работе. Идите собирайте вещички. – Он смотрит на свои часы, потом на меня. – Еще нет и семи. По дороге домой позвоните в офис. Если повезет, наша команда организует вам вылет уже к полудню.

Он уходит, а я смотрю ему вслед, не видя ничего, кроме океана крови. Я возвращаюсь туда, где начались все эти кошмары. А еще – к *нему*.

Глава 2

В первом классе до Нью-Йорка – первого моего пункта назначения перед Хэмптоном – полно людей двух типов: богатых напыщенных ослов, которые смотрят на всех свысока еще в автобусе, и людей, которые просто хотят напиться и завалиться спать в кресле с увеличенным пространством для ног. Стряхиваю туфли и вытягиваю ноги в джинсах, надеясь, что сиденье рядом со мной останется столь же пустым, как и сейчас.

– Что будете пить, мисс Лав?

Поднимаю взгляд на вопрос с техасским акцентом и вижу стюардессу средних лет, крашеную блондинку – волосы у нее растрепаны и слиплись от избытка лака для волос.

– «Кровавую Мэри», и побольше Мэри, – отвечаю я.

– Простите, – говорит она, – но в каком это смысле: «побольше Мэри»?

Она, блин, серьезно?

– Мэри, – повторяю я. – Побольше Мэри.

За это заслуживаю нескольких морганий слипшимися от туши ресницами и морщусь.

– «Кровавая» – это, ясен пень, томатный сок, а значит, «Мэри» – это... – Протягиваю руку, уверенная, что она будет поражена моим остроумием, и позволяю ей восхищенно подхватить ответ, но все, что получаю, это еще несколько недоуменных морганий.

– Водка, – говорю я. – Просто принесите мне водки на камушках. На камушках – это в смысле со льдом.

Она нервно смеется.

– Конечно. Сейчас принесу.

Стюардесса поспешно уходит, а мой сотовый звонит в кармане моего черного рюкзака без всяких надписей, вид которого скоро станет возмутительно непристойным. Протягиваю руку и достаю телефон, быстро просматриваю сообщение от директора Мерфи: Почему вы еще не забронировали билет на самолет?

Набираю ответ, надеясь, что на этом наше общение и закончится: Я в самолете, вот-вот взлетим.

Он: Что? Почему вы не взяли билет через департамент?

Я: Потому что некомпетентность убивает, а помогавший мне клерк явно желал моей смерти, что затруднило бы раскрытие этого дела.

Он: Вы создаете бумажный кошмар.

Я: Для кого-то другого. Мне нужно выключить телефон.

Он: Вы предупредили местных о своем приезде?

Я: Нет.

И тут телефон начинает звонить.

– Вот черт, – шепчу я, нажимая кнопку ответа. – Агент Лав, – говорю в трубку.

– Агент Заноза в Заднице на данный момент! Может, Хэмптон для вас и дом родной, но у нас есть процедуры, которым нужно следовать. Когда вы прилетаете?

– Я приземляюсь в Нью-Йорке в семь. А оттуда поеду в Хэмптон на поезде.

– Меня тут со всех сторон осадили сверху из-за нашего мертвеца. Возьмите вертолет.

– Это дорого.

– Не дороже плохой прессы и паники среди общественности. Я хочу, чтобы вы оказались там прямо сейчас, и не позже. И дали мне ответы. Я отправлю вам бронь по электронке, и местные будут встречать вас, когда вы приземлитесь. И я ожидаю услышать от вас хоть что-то уже сегодня вечером.

– Ладно.

– Ладно?

– Есть, директор Мерфи! Я позвоню вам, как только свяжусь с местными.

– Так-то лучше. Хорошего полета, агент Лав.

Он отключается.

Засовываю телефон обратно в рюкзак как раз вовремя, чтобы получить стакан водки. Выпиваю его и морщусь. Черт, без томатного сока это натуральная отравка. О чем, черт возьми, я думала?

– А теперь я хотела бы «Кровавую Мэри», – говорю я стюардессе.

– Побольше... Мэри?

– Просто «Кровавую Мэри», – отзывается я, откидывая голову на подушку и чертовски надеясь, что еще немного спиртного поможет мне уснуть. У меня и так будет достаточно забот, когда я вернусь домой. Ни к чему разбираться со всем этим еще и по дороге туда. Мой чертов мобильник звонит опять. Выуживаю его из сумки, замечая номер Рича и выключаю телефон окончательно. Он, наверное, только что узнал, что я уехала, и я не сумею сейчас сосредоточиться на его неуместном возмущении. Вытаскиваю папку, в которой теперь есть данные по убийствам в Эл-Эй³ и предположительно связанному с ними делу в Нью-Йорке, а также свой «Макбук». Опускаю столик, открываю папку и сразу же вижу перед собой фото сегодняшней жертвы – человека, у которого есть две общие черты с тем, что напал на меня много лет назад: он мексиканец и у него на руке такая же наколка. Просматриваю остальные фотографии и нахожу снимок татуировки, подтверждающий, что да, это точно такое же изображение, которое я помню: Дева Мария, изо рта которой течет кровь. И поскольку я уже неоднократно гуглила и исследовала его, то знаю, что документально подтвержденной принадлежности этой наколки к какой-либо банде или организации нет – несмотря на всю мою уверенность в том, что она все-таки есть.

Перехожу к нашей первой жертве, белой женщине, тоже чуть старше тридцати. Тоже убитой пулей между глаз, а одежда ее отсутствовала, когда мы ее нашли. Но на теле у нее нет никаких татуировок, и ее карьера инвестиционного банкира уж точно не кричит о бандитизме. Может, культовое убийство? Да... Нет... Возвращаюсь к более обоснованному «может быть». Перейдя к следующему делу, теперь смотрю на жертву из Нью-Йорка, белого мужчину лет сорока, без каких-либо сведений о его карьере. Конечно же, тело было раздето догола, как и в наших местных случаях, а причина смерти – пуля между глаз. Кроме способа совершения убийств, у этих людей нет ничего общего, что, на мой взгляд, лишь подтверждает интуитивный вывод, что это не жертвы серийного убийцы. Они из списка на устранение. Я знаю это. Я просто чувствую это.

Рядом со мной появляется заказанный стакан, и я поднимаю взгляд, чтобы наткнуться им на стюардессу – Техас, как я решила теперь ее называть, – которая стоит рядом со мной и вещает о чем-то приторно-сладким голоском. Я и вправду терпеть не могу приторно-сладкое. Это напоминает мне про Хэмптон. Киваю, понятия не имея, с чем соглашаюсь, а затем одним махом опрокидываю свой стакан. И, слава всевышнему, в ответ она уходит.

Уверенная – возможно, вне всякой логики, – что всех этих жертв связывает татуировка, просматриваю фотографии убитого из Нью-Йорка, выискивая на них ту наколку, которую так и не нахожу. Либо нью-йоркские облажались и не задокументировали эту татуировку, либо по тому же раздолбайству не снабдили меня всеми снимками, либо же этой татуировки попросту не было. Из этого делаю вывод, что либо способ убийства совпадает совершенно случайно, либо никакое это не совпадение. Морщусь. «Просто замечательно...» Спасибо водке, мозг у меня теперь быстр, как молния. Мы с Техас, наверное, даже сможем теперь общаться на равных, что не очень-то радует.

³ Эл-Эй (англ. LA) – обиходное прозвище Лос-Анджелеса.

Засунув документы обратно в папку, закрываю ее и запихиваю между сиденьями, откидываю голову на подголовник и опускаю ресницы, поскольку мне хочется сейчас оказаться на пробежке, а именно там мне лучше всего думается. «Стиль казни» вовсе не означает наемного убийцу, но все инстинкты и вся моя профессиональная подготовка говорят мне, что это так. Все это вполне может оказаться заказухой, и некоторые из жертв – или, может, только одна – просто случайно оказались членами той банды или группировки, которую представляет наколка. Мои мысли возвращаются к татуировке на теле этим утром, и тут я опять мгновенно оказываюсь на том пляже, вновь под тем мужчиной. Выбрасываю это мерзкое воспоминание из головы и делаю то, что, как я давно выяснила, спасает меня от самой себя: заставляю себя мысленно вернуться на свое первое действительно страшное место преступления, ужасы которого делают его куда более живым и ярким, чем любое воспоминание о месте преступления до него, – и вдруг отлетаю на два года в прошлое...

Машины «скорой помощи» и полиции говорят мне, что к месту преступления я вырुлила точно. Паркуюсь у обочины сразу за стоянкой многоквартирного дома и надеваю через голову кожаную сумку, прежде чем открыть дверцу. Выхожу из своего серого «Форда Таурус» и закрываю машину. Это ново и просто, потому что новое и простое – это то, что я надеялась найти, когда приехала в Лос-Анджелес несколько недель назад. Я пересекаю парковку, направляясь к толпе, собравшейся у желтой ленты. Путаюсь в своих собственных ногах, раздраженная тем, что не такая уж я крутая и уверенная в себе, но реальность такова, что мой новый отдел вовсе не приветствует меня с распростертыми объятиями. Все это – «молодая, женского пола и чертовски хорошо разбирается в профилировании» – не особо действует на мужчин в моем отделе.

Пробравшись сквозь толпу, подхожу к ленте и патрульному в форме.

– ФБР, – говорю я, вытаскивая свой значок из-под черной спортивной куртки, которую ношу поверх черной футболки с котом Гарфилдом и на которой красуется мой любимый ответ идиотам: «Без разницы».

Этот седой пузатый мудак смотрит на меня еще раз.

– С каких это пор двенадцатилетним стажерам выдают значки?

Завожусь с пол-оборота.

– У меня две любимые мозоли, офицер⁴, и вам удалось наступить сразу на обе, – говорю я, подныривая под ленту, чтобы оказаться к нему лицом. – Это невежа с дыркой вместо рта и сотрудник полиции, который засовывает в упомянутую дыру слишком много пончиков, отчего не может дотянуться до своих пальцев на ногах, не говоря уже о том, чтобы достойно выполнять свою работу.

– Сука...

Кривлю губы.

– Черт, мне нравится это имя. Хорошего дня, офицер. – Двигаюсь дальше, подняв руку и пошевелив пальцами в знак прощания.

Меня приветствует мужчина в костюме, на груди у него висит значок детектива.

– Вы Лайла Лав, – утвердительно произносит он.

Я не спрашиваю, откуда он знает.

– Верно.

– Я бы сказал, добро пожаловать, но, боюсь, ничего хорошего нас сегодня не ждет. – Мужчина указывает на открытую дверь квартиры. – Мы благодарны федералам за то, что они одолжили вас нам сегодня. Я – детектив Смит.

Он пожимает мне руку.

– Буду рада помочь, – говорю я.

⁴ Звание «офицер» в американской полиции соответствует званию рядового. «Офицер» – это обычно патрульный в форме.

Мой собеседник морщится.

– Сомневаюсь, что вы скажете такое после того, как увидите место преступления.

Смит указывает на соседнюю квартиру рядом с нами.

– Переоденьтесь вон там. Вам надо быть в защитной одежде.

Это впервые.

– Защитной? Почему?

– Поймете, как только окажетесь там.

Он поворачивается и уходит.

Корчу гримаску и вхожу в квартиру, где меня встречает рыжеволосый парень в джинсах и футболке, который оглядывает меня с ног до головы.

– А ты еще кто такая?

– Лайла Лав, – говорю я. – Мне нужно одеться.

– Лайла Лав⁵... – повторяет он. – И кому же хотелось, чтобы ты стала стриптизершей, когда вырастешь?

– Эта шутка примерно столь же оригинальна, как про того мальчишку-подростка, который думал, будто зеленый «Эм-энд-эмс» сексуально его возбуждает.

– Заводишься от «Эм-энд-эмс»?

Отлично. Он не знает этой распространенной подростковой шутки. А я терпеть не могу, когда никто, кроме меня, не понимает моих шуток.

– Нет. Они делают тебя счастливым. И толстым, если слишком часто их есть. Точно так же, как плохие шутки делают тебя глупым.

Его необычайно кустистые брови сердито сходятся на лбу.

– Понятия не имею, о чем ты, блин, толкуешь... – Парень тянется к вешалке прямо за собой, хватает защитный костюм и сует его мне. – Надевай. И не переживай. Свою одежду можешь не снимать. – Он приподнимает бровь. – Если только сама этого не хочешь.

Одариваю его невозмутимым взглядом.

– Ты такой забавный, – говорю я намеренно ровным тоном.

– И такой возбужденный, милая, – отзывается он, бросая мне под ноги резиновые сапоги. – Держи – они реально меня заводят.

Практически уверенная, что теряю клетки мозга всякий раз, когда участвую в подобном разговоре, и отчаянно пытаюсь спасти те, что у меня еще остались, я поворачиваюсь к нему спиной и натягиваю белый комбинезон. Закрывшись до плеч, застегиваю молнию и оставляю капюшон и маску болтаться за спиной. Затем надеваю пару больших резиновых сапог поверх своих черных «конверсов», цвет которых маскирует грязь от многочисленных посещений мест преступлений на природе, а бренд – мою обычную склонность к «Луи Виттон» во всех формах, включая кроссовки. Закрыв и ноги, игнорирую рыжеволосого придурка и выхожу из квартиры, немедленно направившись к толпе.

Детектив Смит приветствует меня приказом:

– Капюшон – на голову, маску на лицо. И удачи.

Он отходит в сторону и освобождает мне путь к пластиковой завесе, отделяющей зону расследования от другой квартиры. Я снова начинаю двигаться, и в животе возникает скребущее чувство страха, которое всегда возникает перед тем, как я вижу мертвое тело – в те моменты, когда смерть шепчет мое имя. И так и происходит. Каждый день и каждую ночь. Кровь шумит у меня в ушах. По всему телу разливается адреналин. Останавливаюсь и натягиваю капюшон и маску. Еще несколько шагов, и я едва замечаю тот момент, когда прохожу сквозь прорезь в завесе или когда вижу пластиковые листы на полу, покрытые кровавыми следами, предупреждающими о том, что ждет меня собственно на месте убийства.

⁵ Лав (англ. love) – «любовь».

Или даже полицейского у двери, который одними губами произносит «Удачи!», прежде чем жестом пропустить меня вперед.

Я захожу в комнату, и под ногами у меня чавкает что-то жидкое. Затем все замедляется, и у меня формируется туннельное зрение. Мои ноги плюхают по красной луже – так много красного... Мой взгляд скользит мимо собственных ног в поисках тела, которого там нет, и останавливается на другом человеке в белом костюме, показывающем куда-то вверх. Смотрю на потолок, и у меня пересыхает в горле. Там закреплено тело, и оно не целое. Конечности отсоединены и вновь соединены в разных местах: ноги там, где должны быть руки... Кисти рук там, где должны быть ступни... Руки там, где должны быть ноги...

Мой взгляд вновь опускается на кровь, которая уже начинает сворачиваться вокруг моих сапог, и внезапно вся комната начинает кружиться, а желудок у меня закручивается узлом. Я бросаюсь к двери и выхожу так быстро, как только позволяет пластиковая занавеска, а затем поворачиваюсь и прислоняюсь к стене за ней. Колени у меня слабеют, и я опускаюсь еще ниже, стягивая маску, которая все еще на мне, и хватая ртом воздух; глаза закрываются сами собой.

– Вы как?

Моргаю и открываю глаза, чтобы увидеть мужчину, сидящего передо мной на корточках.

– Хорошо, – выдавливаю я. – Я в порядке. Сейчас пойду обратно.

– Все, кто входил, выходили точно такими же, – успокаивает он меня. – Обождите минутку, отдышитесь.

– Обожду. Спасибо.

– Я Рич, – представляется мужчина, одаривая меня улыбкой кукольного Кена, которая достигает его голубых глаз типичного красавчика. – Я здесь, если я вам понадоблюсь.

Он нянчится со мной. А я не нуждаюсь в том, чтобы со мной нянчились!

– Да пошел ты, – бросаю я, поднимаясь на ноги. – Мне не нужно отдыхать, и ты мне тоже не нужен!

Опять натягиваю маску и бросаюсь к двери.

И тут перед глазами пустота. Все становится просто черным пространством, пока я вдруг не оказываюсь в совсем другом воспоминании. Я в Хэмптоне. Я с ним в модном дорогом ресторане. Он смотрит на меня своими чертовыми карими глазами. Протягивает руку и касается моего лица, затем кладет ее мне на ногу...

Я была молода и глупа. Он был старше и даже близко не глуп. Отбрасываю это воспоминание и сразу же вновь оказываюсь на том пляже, в ту адскую ночь, и он тоже там...

Я вся дрожу, на ногах у меня кровь, кровь по всему телу.

– Иди в дом, – приказывает он. – Прими душ.

– Нет, – говорю я. – Нет, я...

Он хватается за мои руки.

– Иди, мля, в дом! Делай, как я говорю!

– Нет, черт возьми... Нет!

– Мисс Лав... Мисс Лав!

Моргаю и выпрямляюсь в кресле, понимая, что Техас перегнулась через соседнее сиденье и вцепилась мне в руку с совершенно подавленным видом.

– О боже... – бормочу я. – Я что, кричала?

– Да, – подтверждает Техас. – И довольно громко.

– Вот же мля! – выпаливаю я, а затем поднимаю руку. – В смысле, простите. Мы уже взлетаем?

– Мы уже садимся. Вы весь полет проспали. – Она бросает на меня неодобрительный взгляд и уходит.

Ерзаю в кресле, и папка падает на пол, рассыпав свое содержимое. Наклонившись, тянусь за ней, запихиваю все это добро обратно, и тут мое внимание привлекает фотография татуировки. Смотрю на нее и мысленно возвращаюсь к тому, как лежу на том пляже, а нападавший навалился на меня сверху – мой взгляд прикован к его руке с изображением Девы Марии, изо рта у которой течет кровь. Я так и не узнала, кто это был и почему он пришел за мной. Вместо этого просто сбежала. Но сейчас я не могу сбежать, да и не хочу в любом случае. Мне нужно поймать убийцу. Который, похоже, каким-то образом связан со мной и моим прошлым, причем связь тут далеко не одна.

Глава 3

Сразу после посадки в Нью-Йорке проверяю сообщения на своем телефоне, среди которых нахожу квитанцию об оплате и данные вертолетной службы, которую мне еще надо тут найти, чтобы добраться до Хэмптона. Директор Мерфи явно так и горит желанием потратить деньги на ее услуги, и чем больше я думаю об этом, тем больше меня беспокоит его готовность выложить шестьсот долларов, чтобы ускорить мое продвижение в Хэмптон. Что он знает такого, о чем мне не сказал? Набираю его номер, направляясь к выстроившимся в очередь такси, чтобы добраться до частного аэродрома, с которого мне предстоит улететь, и вызов сразу же переключается на голосовую почту. Поморщившись, сбрасываю звонок, забираюсь в такси и проматываю на экране оставшиеся сообщения, удаляя даже не одну, а целых три записи голосовой почты от Рича, – и делаю это без малейших угрызений совести. Он хороший парень, а вот у меня совершенно не выходит относиться к нему по-хорошему. Ричу нужно возненавидеть меня, а мне – приложить все усилия, чтобы это поскорей случилось. Почему, черт возьми, такого еще не произошло?

Час спустя я уже в вертолете, пролетаю над Лонг-Айлендом, и мои мысли возвращаются к той кровавой сцене в Эл-Эй, которая припомнилась мне в самолете. И я точно знаю, почему мой разум перенес меня туда. Воспоминание было не о том, как я пыталась сбежать от своего прошлого или что в тот день я нашла Рича – или, скорее, это он нашел меня. Это напомнило мне, как тот день привел меня к тому, что я нашла свою зону отстраненности – то место в своем сознании, куда я могу отступить и где кровь и смерть не являются чем-то реальным. Я называю его Иноземьем, и когда мысленно вхожу в этот мир, то совершенно ничего не чувствую. Я просто обрабатываю данные. Просто анализирую. Это здравомыслие. Это покой. Это выживание. И тогда в самолете мой разум подсказывал мне сделать Хэмптон частью этого моего Иноземья. Вообще-то забавная идея, учитывая, что место вроде Хэмптона – это Иноземье и само по себе. Альтернативная вселенная, где богатые и знаменитые живут своей великосветской жизнью и сторонятся тех, кто не соответствует давно предопределенным стандартам, которые известны, но никогда прилюдно не озвучиваются. Вселенная, которая некогда владела мной, контролировала меня. А я не могу допустить, чтобы это случилось вновь. Я могу выжить и обязательно выживу, превратив эту поездку в посещение одного из мест преступления в этом моем Иноземье, а не в возвращение домой.

Легче сказать, чем сделать, решаю я, когда мы приближаемся к деревне Уэйнскотт, пролетая над теперь уже темным силуэтом кладбища, где похоронена моя мать, и миллион воспоминаний – хороших и плохих – сразу же вспыхивают во мне. К тому времени, как пилот сажает нас на асфальт, я заставляю их подчиниться, но сейчас просто хочу поскорей избавиться от этой стрекозы и убраться из этого аэропорта. Выбираюсь из вертолета, хватаю маленькую сумку, которая по-прежнему со мной, и направляюсь по летному полю к выходу. Мой план состоит в том, чтобы взять напрокат машину и добраться до коттеджа в Саг-Харборе, который я забронировала на ночь. Как только я окажусь там, не рискуя попасть на линию огня моей семьи, то постараюсь скрыть этот вечер от всех, кто причастен к этому делу, как и планировала поступить до того, как директор Мерфи объявил о моем визите. Сообщу местным официальным лицам, что я уже здесь, что я устала и увижусь с ними завтра. А сама проведу кое-какие исследования, пока на меня никто по-настоящему не обратил внимания.

Этот отличный план проваливается буквально через два шага за порог терминала, когда я нахожу взглядом долгоязого худошавого патрульного, держащего табличку с моим именем. И поскольку территориальный инстинкт местного начальника полиции мне хорошо известен, то я расцениваю подобную встречу не как распростертые объятия, а скорее как попытку с ходу установить контроль надо мной.

Подойдя к мужчине, останавливаюсь перед ним.

– Это я, – говорю я. – Я Лайла. А вы кто?

– Офицер Роджерс. Ширли Роджерс.

Недоуменно моргаю.

– Вас зовут Ширли?

– Да, мэм. Назвали в честь отца. Он был героем одиннадцатого сентября.

– О! – отзываюсь я. – Это явно делает Ширли на редкость уникальным именем. Поблагодарите своего отца за службу.

– Его давно уже нет в живых, – неловко бормочет он.

– Ну что ж, тогда спасибо вам и вашей семье за его службу, – повторяю я. – И передайте моему шефу, что я здесь во плоти и что утром с ним увижусь.

Направляюсь к киоску прокатной фирмы.

– Мисс Лав... Подождите. Пожалуйста.

Парень догоняет меня в тот самый момент, когда звонит мой сотовый. Тянусь за телефоном, пока он по-прежнему делает попытки пообщаться со мной – которые, как пока что не понимает, обречены на полный провал.

– Мисс Лав...

– Я беру напрокат машину, – говорю я, перебивая его, достаю из сумки телефон и вижу на нем номер Мерфи. – Меня не нужно подвозить.

Подхожу к стойке проката автомобилей.

– Лайла Лав, – говорю я, отвечая на звонок без всяких «алло», после чего добавляю: – Я в аэропорту.

Кладу свое удостоверение на стойку перед высокой темноволосой женщиной, которая, к счастью, мне незнакома, хотя в восточной части Хэмптона я знаю почти всех.

– Хорошо, – одобрительно отзывается Мерфи, – потому что вас ждет подарочек. Мертвое тело, подходящее под почерк нашего убийцы.

– Что? – отзываюсь я, принимая бланк от служащей, которую вроде ничуть не волнует мой разговор с кем-то помимо нее. – Вы уверены?

– Только что получил сообщение от шефа местной полиции, который сейчас в Саутгемптоне на какой-то встрече. Кстати, он прислал за вами человека.

– Он здесь, – говорю я, уже мысленно переключаясь на услышанную новость. – Что вы рассказали местным о моем расследовании?

– Вы хотите сказать, вашему брату?

Подколол-таки, гад...

– Да, – говорю я. – Ему.

– Когда стало ясно, что сами вы ему ничего не сказали, я не стал вдаваться в подробности. Он считает, что здесь есть некая связь с серией убийств, которые вы расследуете. Остальное я оставляю вам, но мне нужно быть в курсе того тона, которого вы придерживаетесь.

– Понято.

– И не знаю, как вы, но лично я нахожу странным, что этот труп появляется именно тогда, когда вы уже там.

– Да, – говорю я, уже думая о том же. – Не могу с этим не согласиться.

– Либо кто-то оставил вам подарок, – добавляет Мерфи, – либо кто-то знал о вашем приезде и в экстренном порядке подчистил концы. В таком случае у этого человека есть доступ к вашему ближайшему окружению, будь то профессиональному или личному. И в любом случае общий знаменатель – это вы. Кто-то явно счел вас угрозой. О чем вы умолчали, агент Лав?

– Ни о чем, – отвечаю я, и это чистая правда – по крайней мере, в связи с этим делом и моей работой, насколько мне известно. – Но я попробую выяснить, кто это может быть.

– Выясните, – приказывает Мерфи. – И будьте начеку.

И заканчивает разговор.

Вновь уделяю внимание женщине за стойкой, а потом поворачиваюсь и выхожу из очереди, только чтобы вновь увидеть поджидающего меня Ширли.

– Почему вы ничего не сказали мне про труп?

– Я пытался.

– В следующий раз попробуйте активней. Какой адрес?

– Монток, – говорит он.

– Мне нужен точный адрес.

Он достает из кармана телефон и называет улицу и почтовый индекс.

– Кому принадлежит дом и кто в нем живет? – спрашиваю я, зная, что в этом районе много сезонной аренды.

– Я не знаю.

– Выясните, – велю я, после чего указываю на его мобильник. – Забейте мой номер в список контактов и напишите мне, когда узнаете.

Ширли выполняет мое приказание, и я демонстрирую ему ключ от прокатной машины.

– Встретимся на месте преступления.

Разворачиваюсь и иду к выходу, низко опустив голову, чтобы избежать случайных встреч, которые слишком легко случаются в аэропорту, обслуживающем богатых уродов, въезжающих в этот город и выезжающих из него. Прямо сейчас мне нужно подумать. Кто знал, что я приеду? Какая тут связь с этой татуировкой и теми убийствами? Я в опасности? Мой ответ – решительное «да». Выхожу в сияние уличных фонарей и беззвездную, безлунную ночь, нахожу дорогу к парковке, где разыскиваю свою самую обычную и ничем не примечательную белую машину, и этот утвердительный ответ, который я только что дала себе, по-прежнему не выходит у меня из головы.

Именно поэтому, не теряя времени, бросаю сумку в багажник и расстегиваю ее. Вынимаю из нее наплечную кобуру и надеваю поверх простой черной футболки, которая хорошо сочетается с моими простыми черными джинсами, дополненными черными же «конверсами». Вкладываю в кобуру свой табельный пистолет, «Глок-23», стандартное оружие ФБР, иначе известное как «мой лучший друг в этом мире», отправляя тем самым недвусмысленное послание тем, кто сейчас может наблюдать за мной или даже специально явился по мою душу. Пусть знают, что со мной на борту есть один мой добрый приятель, который хорошо умеет проделывать дырки во всяких мерзавцах.

Едва успеваю устроиться в машине, как звякает мой телефон. Сообщение от Ширли: Домовладение арендует Синтия Райт. Владелец – Кейн Мендес.

То есть дьявол – или принц – Хэмптона, в зависимости от того, с кем разговариваешь. А поскольку разговариваю я сама с собой, то дьявол.

* * *

Выезжаю на прокатной машине из аэропорта на шоссе, направляясь в сторону Монтока – популярного места пляжного отдыха среди туристов и места жительства многих местных обитателей. Не проходит и пяти минут, как в моем зеркале заднего вида возникает патрульная машина Ширли. Не обращаю на него внимания, сосредоточившись на открывшемся мне повороте событий. В памяти всплывают слова Мерфи касательно того, что убийство, которое я собираюсь расследовать, является либо подарком мне по случаю возвращения в родные края, либо, по крайней мере, реакцией на мой визит. Но вот чего Мерфи не знает, так это что я никому и словом не обмолвилась о своем приезде. Единственные предупреждения о моем прибытии были даны им самим, и, скорее всего, через правоохранительные органы. Воздерживаюсь от очевидного предположения, что кто-то из наших нечист на руку. О своем ожидаемом

приезде я не объявила не без причины: я местная жительница старой закалки, дочь того, кого в этих краях некоторые могли бы назвать венценосной особой. Весть о моем визите распространится подобно лесному пожару и достигнет самых дальних горизонтов, причем очень быстро, – мысль, которая и помимо убийств способна дать мне много пищи для ума до самого конца поездки.

Тридцать минут спустя голова у меня полным-полна воспоминаний, без которых я вполне могла бы обойтись, и все они напоминают мне, почему я никогда не провожу отпуск в Хэмптоне. Как раз поэтому я и рада наконец подъехать к месту преступления – белому, обшитому деревянными панелями коттеджу на полоске пляжа, в радиусе пары миль от которого разбросано еще с полдюжины подобных домов, все задами обращены к воде. Паркуюсь на первом же свободном месте за вереницей машин с опознавательными знаками и без них. К тому времени, как подхожу к багажнику, перекидываю через грудь ремень сумки для осмотра места преступления, чтобы она покоилась на бедре, и вешаю на шею служебный значок на шнурке, Ширли уже паркуется позади меня. Раздраженная его присутствием, хотя и сама предложила встретиться со мною здесь, закрываю багажник и игнорирую его по одной-единственной причине: я достаточно хорошо знаю шефа местной полиции, чтобы поспорить на все свое наследство, которое сейчас гниет в банке, что Ширли приставлен ко мне в качестве няньки. Другими словами, шеф позаботился о том, чтобы бедняга получил хорошую, крепкую порку, которой тот наверняка не заслуживает. Но я все равно собираюсь задать ее ему, чтобы он от меня отвязался и не отсвечивал.

Направляюсь к желтой ленте, где на страже стоит Нед, один из давних местных патрульных, который все еще выглядит высоким и подтянутым, несмотря на седеющие волосы.

– Лайла Лав! – приветствует он меня. – Как дела, малышка?

– Я уже не такая маленькая, Нед, – отзываюсь я, подныривая под ленту.

– Я знаю тебя еще с пеленок. Для меня ты всегда была малышкой, вот почему мне невыносимо видеть тебя сейчас здесь, в самой гуще убийства. Хотя, думаю, это у тебя в крови, с твоей семейной историей и всем прочим.

– Верно, – говорю я, и слова «у тебя в крови» пронизывают меня насквозь сразу по десятку причин, которые он все равно не поймет; губы у меня сжимаются в знак неохотного согласия. – Да. Полагаю, это так. Мне лучше зайти в дом.

Показываю ему спину и двигаюсь дальше по тротуару, твердо зная лишь одно: если б я тогда осталась здесь, то никогда не пережила бы того «убийства», которое у меня якобы в крови.

Подхожу к крыльцу и показываю свое удостоверение незнакомому мужчине в форме. Года три назад такое было бы для меня в этих краях в новинку, хотя отныне, надеюсь, ничего диковинного в этом нет. Туризм заметно увеличил население городков и деревушек, известных как Хэмптон, и, пожалуй, сейчас я скорее камешек в пруду, чем скала на береговой линии. Остается только на это надеяться.

Поднявшись по ступенькам, вхожу в дом и останавливаюсь в дверях, чтобы мысленно каталогизировать все, что вижу. Это большое помещение вроде гостиной открытой планировки с полдюжиной мужчин в различной униформе, занимающихся расследованием. Следов борьбы нет. Никаких раскиданных по полу пятен или луж крови, через которые пришлось бы пробираться. Однако на кофейном столике лежит обнаженное женское тело, резко выделяясь на белом кафельном полу среди коричневой кожаной мебели.

Не теряя времени, сразу иду туда и подступаю к столу рядом с телом. Бет Смит, судмедэксперт, одна из многих, работающих в главном офисе в Хэмпстед-парке, стоит на коленях, ее светлые волосы убраны с лица. Но я сосредотачиваю внимание не на ней, а на пулевом отверстии между глазами жертвы и ее рыжих волосах и веснушках, которые теперь добавляют различий

четырем нашим жертвам. Отныне у нас двое мужчин и две женщины. Один мексиканец, трое белых.

– На теле есть какие-нибудь татуировки? – спрашиваю я, доставая из сумки на бедре пару перчаток и натягивая их.

Бет поднимает на меня взгляд, на миг остающийся пустым – ее внимание все еще явно приковано к месту преступления, пока на лице у нее не отражается узнавание.

– Лайла Лав... – произносит она, едва заметно улыбнувшись. – Днем агент ФБР. По ночам стриптизерша.

Смеюсь над тем, что она использует мой собственный отработанный воинственный ответ тем, кто любит подшутить надо мной, и присаживаюсь на корточки на уровне ее глаз.

– Бет Смит, – говорю я. – Днем великий судмедэксперт, а по ночам...

– По ночам одна, – заканчивает она. – Возня с мертвыми телами – не лучший способ знакомиться с мужиками. И в ответ на твой вопрос: никаких татуировок – по крайней мере, пока что я их не обнаружила. – Бет прищуривается, глядя на меня. – Почему тебя привлекли? Чего я не знаю?

– Я дам тебе знать, когда сама это выясню, – обещаю я, припомнив, как директор Мерфи понукал меня взять вертолет и прибыть сюда как можно скорее, что подводит меня к одному очень важному вопросу. – Можешь назвать время смерти?

– Официально пишу шесть часов вечера, то есть три часа назад.

– Среди бела дня, – отмечаю я. – Есть какие-нибудь признаки борьбы?

– Никаких, – уверенно отвечает Бет. – Убийство было чистым и быстрым. – Она указывает на пулевое отверстие между глаз жертвы. – Всего одна пуля. Вот она жива, а уже через секунду ее просто не стало.

– Она была обнажена, когда ее убили, или раздета после?

– Судя по состоянию и положению тела, раздета до убийства, – отвечает Бет.

– Ее одежду нашли?

– Насколько я понимаю, сейчас ее ищет сержант Ривера.

– Эдди Ривера? – уточняю я, чертовски желая, чтобы мне не приходилось этого делать. – Он теперь сержант?

– И ежедневно напоминает нам об этом вот уже около трех месяцев.

– Еще бы, – сухо отвечаю я. – И он ведет это дело?

– Да. Он.

При звуке знакомого мужского голоса стискиваю зубы, поворачиваюсь на каблуках и встаю лицом к мужчине, о котором идет речь. Его каштановые волосы коротко подстрижены, коричневый костюм тщательно выглажен – симптом его занудной педантичности, которая хоть и уместна при исполнении им служебных обязанностей, но в остальное время превращает его в напыщенную занозу в заднице.

– Поздравляю с повышением до сержанта, – приветствую я его. – Могла бы сказать, что рада за тебя, но ты был самодовольным ослом и до повышения. А сейчас ты, наверное, и вовсе невыносимо самодовольный осел.

– Да, так и есть, – соглашается Эдди, и в его голубых глазах загорается вызов, как это частенько бывало на многочисленных семейных обедах, на которые его приглашал мой отец. – Но тебе ведь нравятся самодовольные ослы, так что мне повезло.

– Верно, – сухо говорю я, и поскольку давно обучилась тому, что лучшая оборона – это нападение, наношу встречный удар: – Приятно видеть, что твое мнение о себе за все эти годы ничуть не пострадало.

А потом, не имея желания играть в словесное домино с мужчиной, у которого всегда было нездоровое желание одновременно и трахнуть меня, и стать вторым сыном, которого у моего отца никогда не было, двигаюсь дальше:

– Ты уже нашел одежду убитой?

Его губы сжимаются.

– Почему ФБР на моем месте преступления задает какие-то вопросы?

«Потому что мы собираемся поменять юрисдикцию, мудак», – думаю я, но вместо этого говорю:

– Спроси у своего шефа. Это он потребовал моего присутствия. Так нашли одежду?

– Нет.

– Установили личность жертвы?

– Ее зовут Синтия Райт. Двадцать восемь лет. Юрист по профессии. Арендовала этот дом шесть месяцев назад и работала на своего домовладельца.

– Кейна Мендеса, – добавляю я.

– Да, – подтверждает Эдди. – Кейна Мендеса.

– Простите, – окликает нас с порога кто-то из патрульных, привлекая наше внимание, прежде чем добавить: – Приехал Кейн Мендес, хочет вас видеть.

При этих словах по телу у меня прокатывается волна адреналина.

– Естественно, хочет, – отвечает Ривера. – Передай ему, что я сейчас подойду.

– Простите, сержант. Он хочет поговорить с агентом Лав.

Ривера приподнимает бровь, глядя на меня.

– Он хочет поговорить с тобой... Почему меня это не удивляет?

– Уверена, что тебя мало что удивляет, – сухо отзываюсь я, сохраняя внешнее хладнокровие, в то время как сердце готово выпрыгнуть у меня из груди. – Есть ли что-то, что мне следует знать, прежде чем я поговорю с ним?

– Не трахайся с ним и не ставь под угрозу мое дело, иначе я заберу твой значок.

Эдди поворачивается и уходит.

Господи, до чего же я люблю возвращаться домой! В кавычках, естественно. Пожалуй, мне стоит изменить стратегию. И вместо того, чтобы ждать счастливых воссоединений до завтра, поймать их полной ложкой уже сегодня вечером. Направляюсь к двери и выхожу на пронизывающий океанский ветер, который сейчас такой же холодный, каким будет и предстоящая встреча, если я правильно к ней подойду. Спускаюсь по ступенькам и уже добираюсь до трогуара, когда ко мне подваливает Ширли, подстраиваясь под мой шаг.

– Что вы тут делаете, офицер Роджерс, в моем личном пространстве?

– Шеф сказал...

Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

– Мой *брат* сказал, – поправляю я.

– Он мой босс, агент Лав. Я просто делаю то, что мне приказано.

– И что же именно?

Лицо у него краснеет, и меня охватывает раздражение, но только не на него. А на саму себя. Я без того знаю, каковы были приказы. Застываю на месте, тяну время, прячась от этого Кейна-чертова-Мендеса. Офицер Роджерс что-то бормочет мне, и я отключаюсь, подавляя прилив адреналина, разливающегося по всему телу, и заставляя себя успокоиться. Снова начинаю двигаться.

Офицер Роджерс уже не спешит присоединиться ко мне, но я отдаю ему должное за то, что у него хватило смелости придерживаться прежнего курса, несмотря на мое очевидное неудовольствие. У него и вправду есть приказы. У него и вправду есть работа, которую нужно выполнять. Точно так же, как у меня есть нога, которой я могу отвесить поджопник, и эта жопа должна по праву принадлежать моему брату, а не ему. Однако в этом маленьком отвлекающем маневре, который я организовала, есть и хорошая сторона. В процессе я отвесила поджопник самой себе, нашла свою зону комфорта и приготовилась к игре в кошки-мышки, которую наверняка попытается затеять Кейн Мендес. И я не буду в ней кошкой, если он добьется своего.

Приближаясь к концу тротуара, бросаю взгляд на офицера Роджерса.

– Где Мендес? – спрашиваю я.

– Припарковался на дороге напротив вашей машины.

– Оставайтесь здесь, – приказываю я и не жду, пока он подчинится. Иду дальше, и, к его чести, у него хватает здравого смысла прислушаться. Роджерс остается позади, хотя здравый смысл подсказывает мне, что я должна была всеми силами оставаться в Лос-Анджелесе и даже приветствовать попытки Риверы отодвинуть меня в сторонку. Но меня сдерживает слишком уж много связей, секрет, который я должна сохранять в тайне, и эти убийства, которые я не могу игнорировать. И одна из таких связей – это Кейн Мендес.

Глава 4

Готовая наконец разделаться с той частью возвращения в родные края, которую представляет собой Кейн, иду вдоль вереницы из четырех машин у тротуара, моя – пятая. Пробираюсь между передним бампером своей и задней частью какого-то пикапа и останавливаюсь как вкопанная, когда вижу Кейна. Как и ожидалось, он припарковал свой спортивный черный «Мерседес» на противоположной стороне дороги, прямо напротив моей прокатной тачки, давая мне понять, что знает, что это моя. Меня он еще не видит, а я наблюдаю за ним, оцениваю его и люблю его костюмом – серым, сшитым на заказ и идеально облегающим его длинное мускулистое тело. Кейн присел на капот своего «Мерседеса», скрестив руки на широкой груди и закинув ногу на ногу. Невозмутимо. Небрежно. Вроде как расслабленно, но в нем все равно есть что-то от хищника. От зверя, ожидающего кормежки – ожидающего меня. По крайней мере, так он думает. Моя же задача сейчас в том, чтобы он понял: миска пуста.

Его внимание переключается в мою сторону, как будто Кейн чувствует, что я наблюдаю за ним, и в этот момент словно что-то бьет меня прямо в грудь – знакомое осознание присутствия этого человека, которое я не хочу ощущать. Волна эмоций накрывает меня с головой – эмоций, которые я отказываюсь назвать и яростно отвергаю. Кейн – это большой стакан яда, который я уже проглотила, ощутив все последствия. Я не настолько глупа, чтобы выпить хоть немного еще. И пока я стою столбом и смотрю на него – это миг, который он способен прочитывать миллионом способов и который я не могу позволить ему прочитать.

Иду дальше, и его хорошо знакомые мне глаза – умные и такие темно-карие, что кажутся почти черными – следят за каждым моим шагом. Кейн наблюдает за мной так, как всегда наблюдал за мной – так, как он наблюдает за всеми. Как будто только они и имеют значение. Как будто его больше ничего не волнует. Это способ, которым он соблазняет людей. Это способ, которым он уничтожает людей, но каждый, кто разрушает, в конечном итоге и сам будет уничтожен, что и доказало убийство его отца. Иду не быстро. Двигаюсь не спеша, размеренно, просчитывая каждый шаг и не позволяя себе испытывать никаких чувств. Наконец останавливаюсь перед ним – достаточно близко, чтобы показать, что он ничем меня не страшит, но и достаточно далеко, чтобы оставаться вне его досягаемости – чтобы убедиться, что он не прикоснется ко мне.

Ожидаю, что Кейн оттолкнется от машины, нависнет надо мной и попытается с ходу надавить на меня, но он этого не делает.

– Агент Лав... – приветствует он меня. Голос его звучит утонченно и изысканно, характерный акцент едва уловим. – Все еще занимаешься убийствами, как я погляжу.

– Я слышала, что то же самое можно сказать и про тебя.

– Если ты намекаешь, что я сын своего отца, – говорит Кейн, – то тебе лучше остальных известно, что это совсем не так.

– Разве?

– Я не в большей степени он, чем ты – твой отец.

– Почему ты здесь, Кейн?

– Сама знаешь почему.

– Потому что убитая женщина – это твой арендатор и служащая, – заявляю я.

– Я здесь не поэтому.

Он здесь ради меня. Делаю вид, что это не так.

– Что ты можешь рассказать мне о...

– Ничего, – перебивает меня Кейн. – Я с ней незнаком. Управлением моей недвижимостью занимается мой лизинговый агент.

– Она – сотрудница юридического отдела твоей компании.

– С которой я никогда не встречался.

– Ты ведь знаешь – я выясню, если ты лжешь.

Губы у него изгибаются в легкой улыбке.

– Конечно же выясните, агент Лав, но я никогда не лгал вам. И не собираюсь начинать сейчас.

– Ты просто не говоришь мне того, чего не хочешь, чтобы я знала.

Эта отсылка к прошлому – к моей тайне, *нашей тайне* — вырывается у меня прежде, чем я успеваю остановить себя, и я сглатываю сухой комок в горле.

Кейн, конечно, тоже это понимает, и глаза у него сужаются, темнеют.

– Просто задай вопрос, если хочешь получить ответ, Лайла.

Лайла. Не «агент Лав», а Лайла. И сейчас мы опять говорим о прошлом, а не о настоящем, и это следует прекратить. Прямо сейчас. Немедленно.

– Как ты узнал, что нужно сегодня сюда приехать?

– Как я узнал, что ты здесь, или как я узнал, что произошло убийство?

– И то и другое.

– Полиция связалась с моим агентом по недвижимости, который позвонил мне и сообщил про убийство, – объясняет он. – И я всегда знаю, где ты.

– Это уже что-то извращенное, Кейн.

– Извращенное? – Он смеется. – А ты умеешь подбирать слова, Лайла.

Кейн делает паузу, и настроение у него меняется, мрачнеет, а в лице появляется что-то, чего я не могу прочесть, прежде чем он говорит:

– Тебе в этих краях самое место, Лайла Лав. Тебя тут слишком уж долго не было.

– Нечего мне здесь делать.

– Разве?

– Да. И закончим об этом. Прямо сейчас мне требуется раскрыть убийство, Кейн. Мне нужны контакты твоего агента по недвижимости.

Он лезет в карман и достает визитку, которую поднимает над головой, а затем протягивает мне. Я смотрю на нее, понимая, что если возьму, то Кейн прикоснется ко мне.

– Я не кусаюсь, пока ты меня об этом сама не попросишь, красавица. Ты же знаешь.

Тянусь к нему и хватаю визитку, но он ловит меня за руку, и по ней словно прокатывается электрический разряд; однако его слова и его глаза, нацеленные в мои, – вот что удерживает меня, а не рука.

– Я все уладил. Забудь.

Он отпускает меня, и я опускаю взгляд, засовывая карточку в карман, – рука у меня дрожит, хотя руки у меня, блин, вообще никогда не дрожат.

– Где ты был сегодня днем?

– У себя в офисе.

– Что, я полагаю, может подтвердить половина твоего персонала.

– И камера наблюдения.

– Ну конечно... Еще камера. Не уезжай из города, пока мы тебя должным образом не опросим.

– Ты же здесь. Так что никуда я не уеду.

Заставляю себя посмотреть на него.

– Я еще позвоню.

Отворачиваюсь и отхожу от него, чувствуя на себе тяжесть его взгляда, и как раз в тот момент, когда собираюсь вновь скрыться между машинами, он кричит:

– А попка у тебя по-прежнему классная!

Складываю руки за спиной и показываю ему средний палец. Кейн смеется негромким, глубоким, дразнящим смехом, который затихает на ветру, хотя сам он отказывается исчезнуть

из моей жизни. Я ускоряю шаг, создавая столь желанное расстояние между ним и мной, и обнаруживаю, что возле ворот меня поджидает Ширли. Игнорируя его в надежде избежать разговора, прохожу мимо, ступаю на тротуар и направляюсь к крыльцу.

– Я слышал, вы раньше встречались с ним, – говорит Ширли, пристраиваясь рядом. – И вас называли Мэрилин и Пачино – в смысле, потому что Кейн родился в криминальной семье, а ваша мать была известной актрисой, которая когда-то играла Мэрилин Монро и была замужем за мэром. А потом ваша мать погибла, и...

– Вспоминать о моей покойной матери – это очень дурной тон, – говорю я, останавливаясь, чтобы посмотреть ему в глаза. Лицо у него краснеет в ответ, но мой урок ему еще не закончен. – И поскольку ты, похоже, наслушался сплетен обо мне, то позволь мне просто выдать все до конца. Ты в курсе, что я спала еще и с Киану Ривзом?

– Правда? Это был Киану из «Матрицы» или Киану постарше, из «Джона Уика»?

У меня никогда нет времени смотреть фильмы, и я понятия не имею, что он имеет в виду под «Джоном Уиком»⁶, так что просто со всем соглашаюсь.

– С обоими, – говорю я, – но версия Джона Уика была постарше. Мудрее. Лучше в постели.

Ширли поднимает руки.

– Пожалуй, это больше, чем мне следует знать.

– Ты прав. Вот именно. Вот к чему я и клоню. Черт возьми, Ширли... Ты ведь не отсюда, не так ли?

Он бледнеет, явно совершенно сбитый с толку.

– Нет. Из Коннектикута. А как вы узнали?

– Потому что сплетнями кормятся только пришлые. И если ты веришь, что я спала с Киану Ривзом или Кейном Мендесом, не подкрепляя это ничем, кроме чьих-то слов, то так и будешь до скончания веков ходить в няньках.

Поворачиваюсь к нему спиной и поднимаюсь по ступенькам обратно в дом. Ривера ждет меня в дверном проеме, опершись одним плечом о косяк – один его надраенный ботинок перекинут через другой, глаза холодные и расчетливые.

– Что ты выяснила?

– Ничего. Ни черта. – Пытаюсь обойти его.

Он подступает ко мне.

– Я тебе не верю.

Эдди совсем близко, и его пряный одеколон, неуместный на месте преступления, которым он явно злоупотребил, раздражает мне ноздри.

– Отойди, Ривера.

– Ты здесь закончила.

– На каком основании?

Тикают секунды, и в его глазах сверкает смесь ненависти и вожделения, которая хотя мне и знакома, но никогда не становится терпимой.

– На каком основании, сержант Ривера? – повторяю я.

– Конфликта интересов.

– Какого еще конфликта интересов? – нажимаю я.

– Мендес.

– Здесь нет никакого конфликта интересов с Мендесом.

– Мы оба знаем, что это не так. Я хочу, чтобы тебя отстранили от моего дела.

Думаю о том, с какой срочностью Мерфи доставил меня сюда.

⁶ «Джон Уик» (2014) – кинобоевик про вернувшегося на былую стезю наемного убийцу, главную роль в котором играет 49-летний Киану Ривз, которому на момент съемок в «Матрице» было 34 года.

– А если ФБР заявит о своей юрисдикции?

– Даже если это произойдет, то ты не будешь агентом, ответственным за это дело. Я позабочусь об этом. Я уже сказал тебе. Я хочу, чтобы тебя отстранили от моего дела.

Вприщур смотрю на него, и моя первая мысль – вся эта ситуация вовсе не такая, какой кажется. Чрезмерная реакция Риверы выглядит столь же деланой, как и моя конфронтация с патрульным Роджерсом с целью избежать его встречи с Кейном Мендесом.

– Ты меня услышала? – требовательно вопрошает Эдди. – Я хочу, чтобы ты отстранилась от моего дела. Когда твой директор узнает, что ты трахалась с Мендесом...

– Я услышала тебя, – говорю я. – Ты хочешь, чтобы я отстранилась от твоего дела.

«Пожалуй, слишком уж хочешь», – думаю я, прежде чем добавить:

– Оставим это на усмотрение руководства.

Поворачиваюсь и уже делаю шаг, но никуда не иду. Кейн прав. Мне здесь и вправду самое место – по крайней мере, сейчас и до тех пор, пока я не выясню, какое отношение все это имеет ко мне, прежде чем кто-то другой успеет это сделать.

* * *

Забираюсь в свою прокатную машину и набираю номер директора Мерфи, который на сей раз отвечает на звонок.

– Что можете сообщить, агент Лав?

– Тот же почерк, другой штат. – Не даю ему времени расспросить про подробности. – Как вы узнали, что мне нужно быть здесь именно сегодня вечером? Как вы предсказали убийство?

– Это явилось для меня полной неожиданностью.

– Но вы же хотели, чтобы я оказалась здесь именно сегодня, и как можно раньше.

– Чистое совпадение. Ничего больше. Я не собирался ни во что вас втягивать.

– Но я уже втянута. Я-то уже здесь.

– И хорошо подготовлены для проведения быстрого и тщательного расследования.

– У меня своя история с Кейном Мендесом.

– Что делает вас идеальным кандидатом на то, чтобы проникнуть ему в голову.

– Зачем мне проникать ему в голову?

– Он связан с этим. Сегодняшний вечер ясно это показывает.

– Я вам этого не говорила. Откуда вам знать, что он как-то во всем этом замешан?

– Я видел адрес места преступления. И знаю, что Мендес – владелец этого дома.

– Но это не делает его ответственным за убийство.

– Согласен, но любой другой, работающий над этим делом, предположил бы, что это так, – из-за того, что Мендес собой представляет, а мне не нравится очевидное в качестве ответа на что бы то ни было.

– Вы что, защищаете Кейна Мендеса? Он – это часть политики, о которой вы постоянно упоминаете?

– На нас регулярно давят, требуя закрыть какие-то дела и успокоить общественность, но это не всегда означает раскрытие дела.

– Вы хотите сказать, когда требуется просто какой-нибудь козел отпущения.

– Верно. А я не создаю козлов отпущения.

– Но Кейн Мендес не из тех, на кого легко свалить все грехи.

– Вы правы, – говорит Мерфи, – не из тех. Но когда выглядишь непобедимым, то становишься проблемой.

Хмурюсь.

– Я и вправду не понимаю, что здесь происходит.

– Просто поймите мне убийцу, агент Лав.

– Поймаю, – заверяю его я. – Хотя вам следует знать, что Ривера хочет устранить меня от дела. С ним будут проблемы, но я с ними справлюсь.

– Если вам нужно, чтобы я...

– Нет. Это просто к вашему сведению.

– Принято. Завтра не забудьте отчитаться.

Мерфи заканчивает разговор, и я уже завожу машину, но тут замираю, когда до меня доходят слова Кейна: «Я все уладил. Забудь».

Я вдруг начинаю сомневаться, говорил ли он о прошлом и моей тайне или же о настоящем и сегодняшнем убийстве.

* * *

Выезжаю на шоссе с одной-единственной мыслью: у моей тайны есть свои тайны. Именно эта мысль сейчас и направляет меня. Еду дальше и вместо арендованного онлайн коттеджа оказываюсь в гараже пляжного домика, который я унаследовала от своей матери – в то время как моему отцу тогда досталось то, что он называет усадьбой. Я никогда по-настоящему не понимала, зачем нам два дома всего в считанных милях друг от друга, но всегда подозревала, что моя мать держала этот домик, чтобы получить хоть немного столь необходимого личного пространства, свободного от отца. Хотя он, как правило, следовал за ней, так что не уверена, что от этого был хоть какой-то толк. Как бы там ни было, этот домик стал моим надежным укрытием с тех пор, как я бросила Корнелльский университет, чтобы оправиться от ее смерти. А позже стал и прибежищем на выходные, позволяя отдохнуть от городской суеты, когда я решила, что двух лет учебы на юридическом вполне достаточно, и поступила на службу в полицию Нью-Йорка.

А еще это *то самое место*.

Именно здесь тот мужчина с татуировкой напал на меня. Именно здесь произошел тот странный поворот, который я не могу объяснить. Что-то выходящее за пределы необходимой самообороны. Что-то, что теперь определяет, кто я такая. Или, может, определяет, кем я всегда была и в чем не смела признаться даже самой себе.

В любом случае, если человек из той ночи связан с этими убийствами – а я почти уверена, что это так, – то именно здесь я найду ответы и поймаю убийцу. А ты не поймаешь убийцу, скрываясь от него. Ты поймаешь его, узнав его поближе.

Заглушив двигатель, не даю себе времени прокручивать в голове прошлое. Открываю дверцу, подхватываю сумку, иду прямо ко входу, ввожу в систему сигнализации свой код, а затем набираю номер службы безопасности, называю им пароль и ставлю в известность, что дом обитаем. Зайдя на кухню, включаю свет, осветив выбеленные шкафчики, стягиваю через голову сумку и бросаю ее на гранитную стойку-островок. Пистолет оставляю в кобуре, но дом не осматриваю. Я даже не вижу его. По крайней мере, в данный момент. Прямо сейчас я не вижу перед собой ничего, кроме прошлого. Мне нужно встретиться со своими страхами лицом к лицу, и я иду по выложенному плиткой полу прямо во внутренний дворик, отодвигаю занавеску, чтобы открыть дверь, а затем выхожу наружу и закрываю ее за собой. С океана дует холодный ветерок, и желудок у меня сжимается. Но я делаю это. Иду на пляж. Иду к тому месту, где все это произошло. Начав идти, так и иду, не останавливаясь. А потом бегу. Бегу изо всех сил, пока не оказываюсь на том месте, где все случилось. Вдыхаю соленый морской воздух и раскидываю руки, подняв лицо к небу, – полная луна словно проливает свет на мою вину.

В голове у меня мелькают образы, но они отказываются обрести форму. Я опять в своем повторяющемся кошмаре, но я не сплю. Смотрю вниз, и у моих ног собирается лужа крови. Так много крови... Слишком много крови. Моргаю, и она исчезает. Теперь там только песок. Сажусь. Делаю глубокий вдох, а затем ложусь на спину, вытянув руки по бокам, – желая, чтобы

память о прошлом вернулась ко мне. В ней я найду ответы, и теперь я понимаю: это то, что мне нужно. Настоящие ответы. Но ничего ко мне не приходит. Я лежу там, все лежу и лежу, и после всех тех раз, когда прошлое преследовало меня, теперь оно ускользает от меня. Не знаю, как долго я остаюсь там, но наконец заставляю себя сдаться. Встаю, вглядываясь в океан и ожидая, что он превратится в кровь, но океан просто разбивается о берег.

Поворачиваюсь к дому и уже делаю шаг, как вдруг резко останавливаюсь – у дома мелькает какая-то тень. По спине у меня пробегает противный холодок. И вот опять. Опять та же тень. Там кто-то есть. Сразу же вспоминаю, как лежала на этом самом песке с тем мужчиной, придавившим меня сверху, татуировку у него на руке. И как потом Кейн схватил меня за руки и сказал: «Я позабочусь об этом». И я позволила ему, не задавая никаких вопросов, пока не стало уже слишком поздно что-то менять. Потому что я была слабой в ту ночь, а он был сильным. Но я уже больше не слабая.

Выхватываю из кобуры пистолет и бегу к дому – ветер у меня в волосах и на лице, сердце гулко стучит в ушах, – и не останавливаюсь, пока не вижу кровь, забрызгавшую все стекло двери, выходящей во дворик, и какую-то записку, прилепленную посередине. Адреналин так и бурлит во мне, но сейчас я в своем Иноземье, так что пытаюсь сохранять хладнокровие. Подхожу к двери, открываю ее, взявшись за ручку через полу рубашки, а затем систематически обыскиваю дом до последнего дюйма. Когда наконец понимаю, что совсем одна, подхожу к своей сумке, натягиваю перчатки, а затем выхожу обратно на улицу и срываю записку с двери. Вернувшись в дом, запираю дверь, задерживаю жалюзи и внимательно изучаю записку. Наверху ее алфавит, наклеенный буквами из газеты, последняя буква «Я» в нем крест-накрест перечеркнута. В записке говорится:

Я – то ЯБЛОКО на ужин, после которого доктор не нужен. Но врач ничем не смог бы ему помочь, так ведь?

Я ЗНАЮ.

Глава 5

Держу записку рукой в перчатке, и мир вращается вокруг меня – ничего, кроме черно-белого пространства, то появляющегося, то исчезающего. Ни комнаты. Ни мыслей. Ни звуков. Проходят секунды, а может, и минуты, пока у меня не появляется первая связная мысль. Я слишком уж надолго свалилась в штопор, потеряла контроль над собой. А я не теряю контроль над собой. С некоторых пор. Моргаю и мысленно возвращаю себя к реальности, ощущая, как сердце бешено молотит в груди, как кровь стучит в ушах. И, блин, чувствую, как у меня подкашиваются колени, а рука, в которой я держу записку, дрожит.

Перечитываю ее еще раз, сосредоточившись на двух словах: «Я знаю». И кровь – или, скорее, то, что теперь уже больше похоже на какую-то краску, разбрызганную по раздвижной стеклянной двери – говорит мне, как в точности это следует понимать, на что ссылается этот человек. Еще кто-то, кроме нас с Кейном, был здесь той ночью. Кто-то, кто видел все – или видел достаточно, чтобы представлять собой опасность, и это знание потрясает меня до глубины души. Делаю медленный вдох, а затем с натугой выталкиваю воздух из тесной полости, которая, как я полагаю, все еще остается моей грудной клеткой. Повторяю это несколько раз. «Вот млятво...» По-моему, у меня впервые в жизни паническая атака. Сейчас. Здесь. Не посреди луж крови и не при осмотре мертвого тела, а от перспективы спалиться.

Страхнув с себя слабость, на которую у меня нет времени, делаю еще один глубокий вдох и повторяю ту же пытку. Черт, у меня и впрямь гипервентиляция легких, а я не давала себе на это разрешения! Выпрямляю спину и быстро и резко втягиваю воздух, игнорируя боль. Напоминаю себе, что я не новичок в поимке всяких виновных уродов и это не первый раз, когда кто-то из них преследует меня. Однако это впервые, когда я сама этот виновный урод, но суть не в этом. То есть суть-то как раз в этом, но это к делу не относится. Блин, мне реально нужно срочно успокоиться! А то я уже опять начинаю мыслить как та стюардесса, Техас.

– Иноземье, Лайла... Это просто работа на месте преступления, Лайла... С личной стороной всей этой фигни разберешься потом, Лайла...

Крепко сжимаю зубы. Я, блин, разговариваю сама с собой! Я просто ненавижу людей, которые разговаривают сами с собой, – почти так же сильно, как и людей, которые совершают глупости. А еще терпеть не могу людей, которые совершают плохие поступки. И вот теперь я соответствую всем трем этим категориям... Особенно по части плохих поступков, иначе сейчас не жила бы под гнетом своей идиотской выходки, а моя семья не рисковала бы тем же. Однако нечего рассуждать об этом прямо сейчас. Прямо сейчас необходимо действовать. Необходимо принимать какие-то решения, иначе так и промаюсь до самого утра.

Пройдя через комнату, захожу на кухню, где нахожу на серой каменной стойке свою рабочую сумку, расстегиваю ее и достаю пластиковый пакетик для улики. Не удостоив записку даже взглядом, засовываю ее внутрь и запечатываю. *Убийственную* записку. Определение, вполне подходящее по причинам, о которых я не планировала сообщать никому, кроме Кейна, и все же кто-то *знает*. И этот кто-то знает меня, в то время как я не знаю его, а это опасно и совершенно неприемлемо. Но я выясню, кто за этим стоит, и как только это произойдет... Что ж, не знаю, как, блин, я поступлю, но со временем обязательно разберусь с этим.

Решив найти этого гада, перекидываю свою рабочую сумку через плечо, и мой взгляд падает на ключи. Тот факт, что я не помню, как положила их на стойку, уже сам по себе говорит о том, в каком душевном состоянии я находилась, когда вошла в дверь. Если я не найду способ по-настоящему отключиться от своих личных чувств, у моих проблем будут собственные проблемы. А когда у твоих проблем начинаются собственные проблемы, то ты либо честный человек, которого только что убили, либо преступник, которого только что поймали. Ни тот, ни другой вариант мне не нравятся.

Уже поворачиваюсь, но останавливаюсь. Мой взгляд возвращается к этим ключам, и по причинам, которые я не могу объяснить, мне неуютно оставлять их там. Хватаю их, на сей раз выхожу из кухни и прохожу через гостиную, хотя полностью отключаюсь от этой комнаты. Особенно от ее декора, напоминающего мне о моей матери и об эмоциях, которые она рождает во мне. Я не могу быть дочерью Лоры Лав прямо сейчас.

Продвигаясь дальше, сворачиваю направо и иду по коридору, который, если я дойду до конца, приведет меня в главную спальню, но, не доходя до нее, останавливаюсь перед тяжелой, словно в каком-нибудь древнем подземелье, арочной деревянной дверью, ведущей в кабинет под крышей, и вставляю ключ со своей связки в замок. Мгновение колеблюсь. Необходимость в этом ключе – логичное объяснение того, почему я не хотела оставлять ключи в кухне, но моя интуиция не удовлетворена подобным ответом. Стою там, не двигаясь и выжидающе прислушиваясь к звукам вокруг меня. Что полное безумие, поскольку я одна. Я в этом уже убедилась. Однако ощущение безумности происходящего столь же бесспорно, как и единственный звук, достигающий моих ушей, – тиканье напольных часов в спальне, семейной реликвии, передававшейся из поколения в поколение по материнской линии.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

Поморщившись, поворачиваю ключ и открываю дверь, после чего включаю свет и начинаю подниматься по двум пролетам деревянной лестницы, пока не добираться до мансарды, которую мои родители давным-давно превратили в кабинет. Оказавшись наверху, вижу уходящие далеко ввысь наклонные потолки, в то время как стены, обшитые деревянными панелями в тон полу, старят пространство и уменьшают его. Быстро пересекаю комнату, которую моя мать называла берлогой, а отец – просто своей. То есть до тех пор, пока мать не умерла и эта мансарда не стала моей.

Останавливаюсь перед тяжелым дубовым письменным столом перед арочным окном, который занимает центральное место в комнате, и бросаю на него свою сумку. Собираюсь убрать в нее пакетик с запиской, но ловлю себя на том, что колеблюсь, и в конце концов решаю оставить его на виду.

– *На виду?* – передразниваю я вслух собственные мысли, по-прежнему невольно разговаривая сама с собой. – Какой-то призрак зацапает его и твои ключи, Лайла, или что? Потому что здесь больше никого нет.

И все же я способна распознать интуитивные намеки, когда получаю их, и давно перестала пытаться найти логику в том, откуда они берутся. Они просто приходят. Они требуют. Я к ним прислушиваюсь. Те несколько раз, когда я этого не делала, заканчивались катастрофически, хоть я и упорно пыталась отрицать собственную вину в этом. Еще одна катастрофа мне сейчас совсем ни к чему.

Обхожу стол, открываю верхний ящик и с некоторым облегчением кладу пакетик внутрь, сама не понимая, отчего так спешу проделать это. В любом случае дело сделано. Быстро подхожу к двери слева от лестницы, открываю ее и вхожу в гардеробную, погруженную в крошечную тьму. Шагнув вперед, нащупываю шнурок, свисающий с потолка, и дергаю за него. Почти мгновенно в глаза мне бьет свет, ослепляя меня, – напоминание о том, что я временно ввинтила в патрон сверхмощную лампочку из гаража, которая, похоже, два года спустя светит все так же ярко. Заменить ее руки не дошли, поскольку я и походы по магазинам сочетаю не лучше, чем собачьи галеты и макароны с сыром быстрого приготовления, которые только и оставались у меня в буфете, когда я уезжала из Лос-Анджелеса.

Смагивая плавающие перед глазами пятна, обвожу взглядом пространство: наклонный потолок над головой, старую униформу моего отца, оставшуюся со времен его работы началь-

ником полиции, висящий рядом одинокий чехол с платьем, которое я надевала на одно из награждений моей матери... Воспоминания, мимо которых я прохожу – как в буквальном смысле, так и мысленно, – чтобы подобраться к деревянному сундуку, занимающему всю заднюю стену.

Опустившись перед ним на одно колено, берусь за серебристый висячий замок и поворачиваю кодовые колесики, пока дужка его со щелчком не отскакивает. Сняв замок, поднимаю крышку и сосредотачиваюсь на том, что сама называю своей «кондитерской»: доброй полудюжине пистолетов, запасе патронов и нескольких ножах. Все это добро отец явно не собирался оставлять здесь, но теперь они мои, и я их люблю. Это для меня и вправду что конфеты, и прямо сейчас они дарят мне небывалый душевный подъем, но я здесь не поэтому.

Схватив лежащий в углу черный футляр с набором для снятия отпечатков пальцев, встаю и направляюсь к двери, сосредоточенная на победе в войне, которую этот неизвестный пришелец только что развязал против меня. Эта миссия заставляет меня уже через минуту спуститься по лестнице и пройти через гостиную, и я не останавливаюсь, пока вновь не оказываюсь у раздвижной стеклянной двери, ведущей на пляж. Остановившись там, тянусь к панели сигнализации на стене, чтобы отключить систему, поколебавшись лишь несколько секунд, в течение которых говорю себе, что выходить из дома – полное безумие. Несмотря на мое стремление сохранить свой секрет, мне следовало бы подождать до утра, чтобы обработать место преступления, но я быстро исключаю этот вариант. Это не оставшийся в машине чемодан, с которым вполне можно и обождать. Моя тайна под реальной угрозой, и если есть ключ к разгадке, кто за этим стоит, я должна это выяснить. Быстро, решительно и профессионально – как человек, которым всегда хотел видеть меня мой отец. Чтобы он мог гордиться мной, как выражаются в подобных случаях. Хотя если б отец знал, что именно я скрываю, то я почти уверена, что он испытывал бы целую массу чувств, которые не имели бы ничего общего с гордостью.

Вырубая охранную систему и включаю наружное освещение, чем раньше не заморачивалась. Сдвинув занавеску, осматриваю освещенную область, которая простирается достаточно далеко во все стороны благодаря удачно расположенным прожекторам. Никакой непосредственной угрозы не вижу, но выходить туда все равно опасно. Я знаю это, но суть в том, что есть два типа людей: те, которые прячутся в шкафу, и те, что идут искать проблему. Естественно, в любом фильме ужасов, которые я когда-либо видела, и те и другие в итоге расстаются с жизнью, но я из ФБР. Я не жду помощи. Я и есть помощь. А потом, если б этот урод желал моей смерти, то наверняка уже успел бы исполнить свое желание.

Щелкнув задвижкой на двери, открываю ее и выхожу наружу, где останавливаюсь и стою несколько секунд, осматривая обстановку, прислушиваясь и высматривая какие-либо признаки присутствия кого-то еще. Ветер свистит вокруг меня, ероша мне волосы, – пока что единственный мой и друг, и враг поблизости, как подсказывает мне интуиция. А интуиция никогда меня не подводит. Смушает и раздражает меня временами – это да. Но чтобы подводить? Нет. Она оставляет это всем остальным. Тем не менее я на боевом взводе, готовая найти ответы и устранить эту проблему. Я не люблю проблемы. Мне не нравятся всякие уроды. Осматриваю раздвижную стеклянную дверь, где сосредоточена фальшивая кровь, надеясь, что она легко отмоется. Присев на корточки рядом с ней, открываю набор для снятия отпечатков пальцев, и – вот же скотство! – звонит мой сотовый, отчего я чуть не выпрыгиваю из штанов. Интуиция там или нет, но я явно на взводе, это точно.

Морщась, достаю чертову штуковину из заднего кармана и смотрю на номер – звонит Рич. Колеблюсь, прикидывая преимущества того, чтобы кто-то оставался на линии, пока я здесь и совершенно беззащитна, но этот кто-то – это Рич, а я не могу одновременно выяснять с ним отношения и оставаться начеку. Сбрасываю звонок, но решаю, что разумней держать телефон под рукой. Вообще-то даже набираю «девять-один-один», но на «вызов» не жму. Теперь я готова: одно нажатие кнопки – и помощь будет в пути. Поднявшись, засовываю сото-

вый обратно в карман – так, чтобы в случае чего его было легко выхватить – и сосредотачиваюсь на дверном стекле. Хотя после недолгих усилий обнаруживаю, что пальцевых отпечатков нет. С дверной ручкой, естественно, история другая – снимаю отпечатки, которые, скорее всего, принадлежат мне, но все-таки нужно иметь образцы для полной уверенности. Поворачиваюсь и снова осматриваю пляж. Порыв холодного ветра, тронутого океаном, приподнимает мне волосы – вкус соли и аромат водорослей, которые я некогда почитала за совершенство, касаются моего языка. Но теперь это уже никакое не совершенство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.